
Тата Кит
Сын
С ХЛЕБОМ
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Тата Кит

Суши с хлебом

«Автор»
2026

Тата Кит

Суши с хлебом / Тата Кит — «Автор», 2026

Я сбежала от родителей и навязанного ими жениха, который годится мне в отцы. И оказалась в деревне, которой даже на карте нет.Сняв халупу на окраине, я и представить себе не могла, что помимо нелегкого деревенского быта, в котором я ничего не смыслю, ещё одним испытанием для меня станет нелюдимый сосед по прозвищу Зэк и его дикий кот по кличке Ржавый.

© Тата Кит, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 6
Глава 3 8
Глава 4 12
Глава 5 18
Глава 6. Матвей 21
Глава 7 23
Глава 8 27
Глава 9. Матвей 29
Глава 10 31
Глава 11. Матвей 35
Глава 12 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Тата Кит
Суши с хлебом

Глава 1

- Сядь прямо!

Едва папа успел это сказать, как я рефлекторно выпрямила спину и продолжила гонять кусок баклажана вилкой по тарелке.

Я уже привыкла к тому, что папа чаще всего разговаривает со мной, как с собакой, а он привык, что я – его личная дрессированная собачонка, беспрекословно выполняющая команды.

Но у всего есть предел, и я своего достигла.

Сегодня же убегу из этого дома настолько далеко, что даже папа со своими деньгами и связями не сможет найти меня.

- Сегодня вечером, в восемь, чтобы была дома, - сухо бросил папа, не отрываясь от чтения новостей в планшете. – Приедет Петя, будет свататься.

А вот и причина, по которой я хочу сбежать, и как можно скорее.

Петя – старый папин друг. В прямом смысле слова – старый.

Примерно папин ровесник, может, даже старше.

Папины дела в бизнесе последнее время идут не очень, поэтому в качестве выхода из затруднительного для него положения он выдает меня замуж за состоятельного человека, союз с которым поможет решить папе кучу проблем.

Эту схему он уже провернул с моей старшей сестрой семь лет назад.

Он тоже выдал её замуж за человека, который старшее неё. Не папин ровесник, конечно, но пятнадцать лет разницы между тем мужчиной и моей сестрой – это, на мой взгляд, достаточно большой барьер для понимания друг друга. Сестра утверждает, что счастлива в этом браке, но по её глазам я вижу лишь то, что дрессура с ней была суровее, чем со мной. Когда родилась я, у папы уже не было столько свободного времени, чтобы сделать полностью послушной собачонкой ещё и меня.

- Не слышу, - с нажимом произнёс папа, и я почувствовала прожигающий щёку взгляд.

- Хорошо, папа. В восемь я буду дома, - отчеканила я и мельком заглянула в его глаза, снова боязливо опустив взгляд в тарелку.

- Раньше надо. Часов в шесть. Лена, подготовь её. Чтобы причёска, платье, цацки… Побрей, где надо… - бросил папа маме, которая в это время увлеченно с кем-то переписывалась по телефону.

Наверное, со своим тренером, с которым спит.

Папа не в обиде, он тоже не отличается верностью.

А брак моих родителей уже давно существует только на фотографиях со светских приёмов и вечеринок, которые они посещают или устраивают сами.

- Хорошо, Лёва, - ответила мама, не отвлекаясь от телефона. – Я всё сделаю.

Я в очередной раз получила подтверждение, что мой сегодняшний побег из этого дома – лучшее, что я могу сделать для себя в этой жизни. Даже если папа найдёт меня и убьёт за это, я не пожалею о том, что сбежала и хоть чуть-чуть пожила так, как хотела именно я.

Глава 2

До универа меня довёз личный водитель. Он же – мой телохранитель, он же – большая анальная пробка везде, где я бываю.

Я резко обернулась и встала, как вкопанная, поняв, что этот парень следует за мной до аудитории.

- Ты и на парах сегодня решил со мной посидеть?

Очень хотелось ткнуть ему пальцем прямо в открытый глаз.

- Лев Николаевич дал указания об особом контроле на сегодня, - сухо отчеканил водитель.

Неужели за завтраком у меня на лбу был нарисован план побега? Вряд ли. Я сделала всё, чтобы ни у кого не возникло даже подозрений в том, что я могу нарушить запланированный отцом ход событий.

Я стиснула зубы, спорить не стала, но всем своим внешним видом показала недовольство происходящим.

Ровно две пары я ощущала, как мой затылок пристальным взглядом прожигал водитель, привлекший внимание одногруппниц.

Может, они затащат его в какие-нибудь кусты? Парень-то он, вроде, симпатичный. Не в моём, правда, вкусе, слишком смазливый, но для большинства девчонок он вполне себе секси.

Кто-нибудь, заберите его себе! Пожалуйста!

Я нервно грызла ногти, получая от мамы смс-ки с временем и местом, где мне сделают маникюр специально для ужина. Я хотела самостоятельно рвать на себе волосы из-за маминых равнодушных смс-ок о том, что она записала меня на лазерную эпиляцию.

Может, этот старый хрен, вообще, за лохматую естественность. Откуда они знают, в каком виде ему нужно меня подавать? Испортит купец в лице моего папы товар в виде меня, и что тогда? Сделка сорвётся? Недальновидно, папа. Ох, как недальновидно.

После второй пары я не выдержала, понимая по маминой активности, что пора начать действовать. Ещё немного и она позвонит водителю, чтобы он пораньше забрал меня из универа и повёз по «процедурам».

- На унитазе ты тоже рядом со мной сидеть будешь? – обратилась я к водителю, когда поняла, что он и в женский туалет со мной собрался зайти. – Или ты так завуалированно намекаешь, что хочешь, чтобы я села на тебя сверху? Шалун, – пришлось включить дикую львицу-тигрицу и даже подцепить лацкан его пиджака ногтем в качестве флирта. – Думаю, моему папе не понравятся такие твои планы. Но, если хочешь, я буду молчать о нас. Или расскажу в подробностях, как ты нарушил мои личные границы, - понизила я тон до угрожающего.

- Идите, - кивнул парень в сторону женского туалета и отошёл от меня на шаг, подчеркнув дистанцию холодной отстраненностью.

«Да кому ты нужен?» – фыркнула я мысленно и зашла в туалет, прикрыв за собой дверь.

В кабинке я быстро сменила строгое платье прилежной ученицы на толстовку и джинсы, больше подходящие какому-нибудь парню. Идеальные туфли – на удобные кроссовки.

Простите, любимые туфельки, но так нужно.

Вместо распущенных локонов – тугая коса, чтобы не зацепиться волосами об оконную раму.

Одежду хорошей девочки закинула в мусорное ведро. Она мне больше не пригодится, да и таскать с собой балласт я не хочу.

Напоследок заглянула в рюкзак и убедилась в том, что денег с собой набрала достаточно. Пачки пятитысячных купюр лежали ровненько на дне под книгами и тетрадями, которые я так же безжалостно выбросила.

Надеюсь, папа не замечал, как из его сейфа последние полгода пропадало по одной-две пачки денег в месяц…

Выйдя из кабинки, я накинула обе лямки рюкзака на плечи и, воровато оглядываясь на входную дверь в уборную, открыла окно.

Выглянула наружу и словила приступ тошноты и паники. Первый этаж. Вроде, не должно быть высоко, но почему асфальт под окном так далеко?

Если при приземлении я сломаю только одну ногу, то это уже можно считать удачей.

- Давай, тряпка! – рычала я себе под нос, свесив ноги с подоконника в сторону улицы. – Либо бежим сейчас, либо выходим замуж за старика и отдаём себя ему в вечное рабство. Сексуальное. Ну, же!

Теперь тошнота к горлу подкатила от мысли о том, что меня будет целовать какой-то голый старик.

Какая гадость!

Я решилась.

Резко вдохнула и спрыгнула вниз, стиснув до боли зубы.

Пятки неприятно ударились об асфальт. Раздражающие мурашки запрыгали по ногам, как блохи под кожей.

Не давая себе время на то, чтобы нормально прийти в себя, я дала дёру в сторону выхода с территории универа. Вылетела за красивый кованный забор, как пробка, оставшаяся без мюзле, и сорвалась на бег, боясь даже оглянуться и увидеть, что за мной гонятся.

Не знаю, как долго я бежала, но, увидев автобус, подъехавший к остановке, я прыгнула в него, даже не заморачиваясь о том, куда он меня может отвезти.

И так я прыгала из автобуса в автобус, пока не добралась до стоянки с междугородними маршрутками и автобусами. Но даже там я не остановилась на одном. Из города в город я меняла автобус, выискивая только те, которые увезут меня подальше от родного места, в котором мне не было жизни.

Телефон и все гаджеты, о которых знал отец, я выбросила ещё в универе вместе с одеждой примерной девочки. На замену им я ещё месяц назад купила телефон попроще и сим-ку, которую за щедрое вознаграждение в пять тысяч для меня купил какой-то дурно пахнущий человек из перехода.

Я готовилась к этому побегу. В моём рюкзаке не только деньги, но и золото на самый черный день.

Единственное, чего у меня нет, - это конечной точки моего побега. У меня была цель сбежать, но не хватило ума для того, чтобы найти место, в котором можно будет скрыться и осесть хотя бы на первое время.

Поэтому я больше полусуток ехала в неизвестном для меня направлении, пряча лицо под капюшоном толстовки от случайных взглядов. А затем рано утром, примерно в семь часов, водитель автобуса высадил меня у развалившейся кирпичной остановки, сказав, что это конечная и дальше он никого не повезёт.

Самый рассвет. Месяц май. Солнце уже по-весеннему пригревало затекшее от долгой дороги тело. Передо мной только вспаханное поле до самого горизонта и одинокий красный трактор. За спиной гора кирпичей, которая когда-то была остановкой, а далеко за ней виднеются зеленые купола старой церкви.

Туда я и пошла, потому что больше-то и некуда…

Глава 3

Наверное, я погорячилась с тем, чтобы убежать из дома без куртки.

Хоть сейчас было только начало мая и на солнце казалось тепло, но в тени небольшого перелеска, отделяющего деревню от дороги, было достаточно прохладно. Местами под деревьями земля была охвачена инеем. Пришлось спрятать кулаки в рукава толстовки и обнять себя покрепче, чтобы не замерзнуть.

Я вышла на дорогу, в которой дырок было больше, чем асфальта. Щурясь от солнца, я шла по деревне, с опаской поглядывая по сторонам.

Вдруг папа уже пустил по всем каналам, пабликам и газетам информацию о том, что я сбежала. Не побрившись.

До сих пор подташнивает от той циничности, с которой он это сказал за завтраком.

На всякий случай, я поглубже утонула в капюшоне толстовки, чтобы хоть частично спрятать лицо.

Не скажу, что окружающие меня дома послужили бы отличной декорацией для какого-нибудь хоррора, но и красивыми их назвать язык тоже не повернётся. Они такие… старые. Наверное, это самое культурное, что я могу сказать о них. Кто-то, конечно, попытался украсить свой дом цветными красками, что выглядело аляписто. Кто-то обшил дом современными материала, но всё равно по соседям видно, что внутри относительно сносной обёртки с резным палисадником находится такое же старьё.

И почему в столь ранний час на улице полно людей? В основном, старики. Но они очень активные, а ещё, похоже, любопытные. Они без стеснения разглядывают меня, о чем-то переговариваясь.

Не имея конкретной цели, кроме желания поесть хоть что-то впервые со вчерашнего утра, я подошла к компании бабушек в цветастых одеждах и попыталась мило им улыбнуться.

- Доброе утро, - произнесла я достаточно доброжелательно.

- Доброе-доброе, - закивали они и, не скрываясь, прошлись по всей моей фигуре оценивающим взглядом. Судя по выражению их лиц, то, как я выгляжу, им пришлось не по вкусу.

А у вас юбка дырявая, у второй платок на голове прожжён, а у третьей, вообще, зубов нет.

- Подскажите, пожалуйста, а где здесь ближайшее кафе или магазин? – поинтересовалась я.

- Так райповский только есть, - ответила бабка в дырявой юбке, а та, что была в платке, кивнула мне за спину, указывая направление, в котором я найду магазин.

- Вон, как раз, хлебовозка к нему подъехала, - произнесла беззубая и, с трудом переступая с ноги на ногу, пошла в сторону домика, что находился за ними. – Пойду, кошелёк возьму, да за хлебом надо сходить. Совсем забыла, что сегодня хлебный день…

- Спасибо, - сказала я расходившимся бабушкам. Видимо, все они пошли за кошельками.

Я повернулась в сторону магазина, ко входу которого подъезжала старая грузовая машина с голубой кабиной и белым кузовом с едва различимой на нём надписью «ХЛЕБ».

Мужчина в одежде цвета хаки и с выцветшей серой кепкой на голове, вышел из машины с бумагами в руке, спрыгнул с подножки и, хлопнув дверцей, передал бумаги женщине в синем фартуке, вышедшей из магазина. Они перекинулась парой фразой, громко над чем-то посмеялись, а затем женщина открыла дверь магазина настежь. Мужчина с круглым пузом, больше, чем у любой беременной, открыл кузов машины и начал выгружать из неё деревянные лотки с хлебом и ещё какой-то выпечкой.

От аппетитного запаха болезненным спазмом скрутило желудок.

Я неуверенно подошла к женщине в синем фартуке, которая, придерживая для грузчика дверь, курила сигарету.

- Доброе утро, - произнесла я с лёгкой улыбкой.

Женщина со светлой кудрявой шевелюрой, окинула меня оценивающим взглядом, и щурясь от солнца, кивнула.

- Ну, привет, коль не шутишь, - усмехнулась она.

У неё были длиннющие наращенные ресницы, за которыми почти не видно глаз. И такие же длинные ногти фиолетового цвета, которыми она держала сигарету.

Видимо, что-то от цивилизации и бьюти-сферы дошло до этой деревни, но, к сожалению, свалилось всё на эту пышную женщину.

- Скажите, пожалуйста, а когда можно будет купить что-нибудь из того, что мужчина сейчас заносит в ваш магазин? – поинтересовалась я.

- Ты чья такая будешь? – хохотнула женщина, вновь меня разглядывая.

- В смысле?

- Приехала к кому или так… заблудилась?

- Я… турист, - ляпнула я первое, что пришло в голову.

- Турист?! – удивленно вскинула женщина нарисованные брови. – Нихрена ты импортозаместила, – ухмыльнулась она. Сделав ещё затяжку и выпустив облако вонючего дыма изо рта, женщина погасила сигарету о подошву розового тапочка и закинула её в рядом стоящую урну. А затем снова посмотрела на меня. – Если за наличку, могу сейчас что-нибудь продать.

- Я за наличку, - воспряла я, едва не начиная прыгать от счастья, что сейчас меня покормят свежей выпечкой.

- Ну, заходи тогда, турист, - кивнула она внутрь магазина.

После яркой солнечной улицы внутри магазина оказалось темно. Будто я вижу предметы через облако пыли. Через несколько секунд, когда зрение привыкло к тусклому освещению из старых окон с голубыми решетками, я, наконец, разглядела магазин.

Он оказался достаточно большим. Учитывая, что бабушки сказали, что этот магазин здесь единственный, неудивительно, что в нём есть всё, начиная от невидимки для волос и заканчивая рулонами линолеума в противоположном невидимкам углу.

- Ну, турист, говори, что покупать будешь? – продавщица зашла за прилавок и оперлась о него ладонями.

Обалдело моргнув, я подошла к ней через весь длинный магазин и поймала технический диссонанс. На прилавке магазина стояли старые весы, на которые кладут гири, чтобы узнать точный вес продукта, коричневые крупные счёты, и рядом со всем этим современный терминал оплаты с ноутбуком.

- Чё зависла-то? Брать что-нибудь будешь? – с нажимом вопросила продавец.

- Да… кхм, - пришлось взять себя в руки и перестать пялиться на ноутбук, стоящий на белой кружевной салфетке. – Что у вас есть из выпечки?

- Да всё, что хочешь, - фыркнула женщина самоуверенно и подошла к стеллажу, на который начала выкладывать из лотков продукцию и озвучивать её. – Пирожки с капустой, картошкой, ливером, мясом… Булочки с маком, повидлом, вареной сгущенкой, просто посыпанные сахаром. Самые дешёвые, но самые вкусные. С молоком, пока горячие… Пальцы до костей оближешь, девочка. Печенье песочное, заварное, слоеное… Всё на нашей пекарне, всё свежее. Хлеб белый, хлеб черный, хлеб йодированный, хлеб с отрубями, чиабатта, батон, багет… Всё есть! – гордо подытожила женщина. – Трубочки с кремом ещё! Чуть не забыла самое вкусное. Что брать-то будешь?

Женщина выжидающе смотрела на меня, пока я пыталась как можно скорее проглотить выступившие слюни, чтобы не брызнуть ими на прилавок, когда начну говорить.

Я не помню, когда последний раз я позволяла себе что-то из выпечки. Папа следил не только за тем, чтобы я была образована, но ещё и за тем, чтобы я не была толстой. Поэтому сладкое почти всегда было в запрете. Разрешалось съесть только кусочек торта в день рожде-

ния, ну, или то, что я иногда стаскивала с кухни и съедала в комнате тайком. Или в кафе с девчонкам. И то немного, потому что в конце каждой недели папа устраивал для меня контрольное взвешивание.

Поэтому сейчас мне ужасно хотелось съесть всё, что перечислила женщина, и попросить добавки.

- Можно мне, пожалуйста, булочку с повидлом, булочку с маком и… и трубочку с кремом.

- Конечно, можно. За деньги всё можно, - гыгыкнула женщина и, оторвав целлофановый пакетик от большого рулона, плюнула на кончики пальцев, чтобы разлепить его края. Мой аппетит в этот момент значительно поубавился, но продавщица нисколько не смутилась и, напевая себе что-то под нос, сложила в пакетик всё, что я перечислила. – Семьдесят пять рублей, - положила она передо мной уже завязанный пакетик со сдобой.

- Сколько?! – не поверила я своим ушам. Я набрала две огромные булочки и трубочку, и всё это вышло на какие-то смешные семьдесят пять рублей?! В кафе, в котором я иногда обедала с одногруппницами, я за чашку кофе безо всего отдала бы в четыре раза больше. А ведь к кофе ещё нужно что-то купить, чтобы перекусить. Итого выходило около тысячи. А здесь всего за семьдесят пять рублей полноценный завтрак и немного обед.

- Ну, да, - чуть горько вздохнула женщина. – Трубочки с начала месяца на три рубля подорожали. Ну, что поделаешь? Дорожает всё, что хорошо берут. Запивать-то чем-нибудь будешь или в сухомятку собралась давиться?

- Маленькую бутылочку воды без газа, пожалуйста, - улыбнулась я женщине, в которой видела сейчас свою кормилицу.

Её безвкусные ресницы и ногти уже не бросались в глаза. Я разглядела её глубже.

- «Спасибо», «пожалуйста», - передразнила она меня. – Ты откуда такая культурная свалилась-то к нам?

- Проездом, - ответила я размыто.

- Знаешь что, деточка. Ты давай-ка, это, садись вон туда, - женщина кивнула мне за спину на красный пластиковый стул в углу магазина рядом со стеллажом с бытовой химией. Такие стулья я видела только в детстве в уличных кафе под зонтиком «Балтика». – Садись, а я тебе сейчас чая горячего налью. Как раз только заварила. С бергамотом, дорого-богато. Не буду же я единственного туриста в нашей деревне выгонять на улицу, чтобы он там, как собака, булки из пакетика выковыривал? Садись-садись, - поторопила она меня движением пальцев в сторону красного стула. – Сейчас всё принесу.

Испытывая чувство приятной неловкости, я села на предложенный мне стул. Положила на колени рюкзак, а на него пакетик с выпечкой, которая была ещё теплой и грела руки в прохладном магазине.

- Вот. Подержи пять сек, - сказала женщина и вручила мне большую кружку горячего ароматного чая. На кружке было написано «заёбана, но не сломлена», и эта надпись отлично выражала моё текущее внутренне состояния. Я устала физически, но морально я всё ещё готова бороться за себя. Снова исчезнув в своей подсобке, женщина через несколько секунд вышла из неё с маленьким раскладным столиком и поставила его прямо передо мной. – Вот. Располагайся, пей чай. Скоро ко мне бабки потекут, так что время для тихого перекуса у тебя ещё есть.

- Большое спасибо, - я оказалась так тронута заботой этой женщины, что искренно захотела её обнять, но сдержала свой порыв, посчитав его неуместным.

- Ешь, интеллигенция, - усмехнулась женщина, возвращаясь за прилавок. – Тебя как звать-то?

- А… - я почти произнесла своё настоящее имя, но вовремя прикусила язык, поняв, что со своим редким именем рискую быть узнанной моментально, если информация о моей пропаже уже гуляет по новостям. Мой взгляд хаотично заметался по магазину в поисках имени. Память

будто форматировалась, не желая выдавать мне хоть какое-то имя. – София… Соня, - бросила я, наткнувшись взглядом на комплект постельного белья с таким названием.

- Ну, приятного аппетита, Соня.

- А вас как зовут?

- Надежда Леонидовна нас зовут, - хохотнула женщина, раскладывая булки хлеба по полкам.

- Спасибо, Надежда Леонидовна. Ой, я не расплатилась! – спохватилась я и вынули из кармана несколько купюр. Хорошо, что за многочисленные пересадки из автобуса в автобус у меня накопилась приличная сумма денег и монет. – Вот, - я положила в пластиковый лоточек семьдесят пять рублей и вопросительно посмотрела на женщину. – А за чай я вам сколько должна?

- Иди и ешь, - чуть повысила она на меня голос, но при этом продолжала улыбаться. – Ещё бы я за чай деньги не брала.

- Спасибо, - поблагодарила я её вновь и, вернувшись к столику, принялась за булочку с повидлом, едва не умерев от счастья, что наконец-то ем то, что хочу именно я. – Очень вкусно!

Глава 4

Пока я уминала за обе щеки булки и трубочку с кремом, Надежда Леонидовна фасовала по полкам оставшуюся выпечку, заполняла какие-то бумаги, что-то подсчитывала и забавно материлась под нос, когда что-то хоть чуть-чуть шло не так.

За ней было интересно наблюдать, хотя бы потому, что она не была похожа ни одного знакомого мной человека и была увлечена работой, которая ей точно нравилась. Хотела бы и я однажды найти своё место и так же наслаждаться тем, что делаю. Пусть даже продавцом в деревенском магазине или продавцом в кондитерской. Мне кажется, там работают самые счастливые в мире люди. По крайней мере, я не встречала ни одного грустного. Наверное, всё дело в том, что я крайне редко бывала в кондитерских, и грустные люди мне просто не попадались.

- Скажите, пожалуйста, Надежда Леонидовна, а в вашей деревне есть отель, гостиница или хостел. Или, может, кто-то сдаёт дом? – поинтересовалась я аккуратно.

Я устала, а после столь сытного завтрака еще и спать захотелось. Поэтому мне очень хотелось, хотя бы на сегодня остаться здесь, чтобы выспаться и набраться сил, если завтра вновь придётся куда-то уезжать.

Надежда Леонидовна оторвала взгляд от бумаг и, вместо того, чтобы ответить на вопрос, воззрилась на дверь за моей спиной.

- И чё ты пришёл? В долг не дам, - бросила она категорично, а я только после её слов заметила, что в магазин кто-то вошёл.

- А чё у тебя, тетрадь закончилась в долг записывать? А, Надюх? Так хочешь, я новую подарю? Мне ж для красивой женщины ничего не жалко, - с самодовольной ухмылочкой произнёс щуплый мужчина. Или дед. Сложно сказать. Выглядел он так, что его возраст смело колебался от сорока до восьмидесяти.

Невысокий, худой, с круглой плешью на макушке, будто прожженной солнцем. Выцветший коричневый пиджак, который давно просился в половые тряпки, висел на нём, как на вешалке. Будто он донашивал его за каким-то великаном. Серое подобие поло под пиджаком недосчиталось пуговицы. Вытянутые коленки старых трико выглядели карикатурно, а сразу под ними начинались сапоги, которые так же, как и пиджак, казались мужчине большими. Как если бы кот надел хозяйские сапоги. Наверное, это он и есть – постаревший Кот в сапогах.

- Тихон, тебя нахуй послать или сам в пизду пойдёшь? – спросила продавщица, устало вздохнув. Она приняла оборонительную позу, явно не впервой стакиваясь с такими покупателями.

Клиентоориентированность у неё, конечно, на высоте.

- А чё сразу послать-то?! Я, может, с чувствами к тебе, – возмутился щуплый Дон Жуан. Сделал грудь колесом и подкатил к продавщице. Находясь, рядом друг с другом они выглядели очень забавно: она вся такая пышная и в теле, и он – из выделяющегося только нос, кадык и вытянутые коленки трико.

- С какими чувствами, Тихон? С чувством похмелья? – фыркнула продавщица и лениво хохотнула. – Валил бы ты, Тишка. Пока я тебя, как щенка за шкирку отсюда не выкинула. И, кста-а-ати! – протянула она, о чем-то внезапно вспомнив, и резко обратилась ко мне. – Какое сегодня число, Соня?

- Т… Тринадцатое мая, - растерялась я на секунду. Во-первых, из-за даты, а, во-вторых, из-за имени.

- Тебя ж сегодня вечером убьют, Тихон. Зачем на тебя продукт вино-водочный переводить? Мы потом, без тебя, но на твоих поминках…

- Тринадцатое?! – выпучил мужчина глаза и начал в каком-то трансе и вместе с тем с паникой хлопать себя по карманам. – Тринадцатое! Сегодня. Ох-ёханты! – вздохнул он громко и, клянусь, я увидела на его лбу выступившие капли пота. – Это… это уезжать надо! Это же Зэк вечером… К дочке… Это как я так... Ох-ё! – сокрушался он, пока я допивала последний глоток чая.

Пока мужчина паниковал, немного отойдя от прилавка, я аккуратно встала с красного пластикового стула, закинула рюкзак на плечо, а целлофановый пакетик из-под булочек смяла в кулаке. Подошла к Надежде Леонидовне и отдала ей пустую кружку.

- Спасибо вам большое, - кивнула я ей с благодарностью.

- Ты, это, Сонь, далеко не уходи, ладно? – произнесла продавщица, взяв у меня кружку. – Посмотри тут наши достопримечательности, если найдёшь такие, и приходи ко мне через часдва. А я пока у народа поспрошаю, может, кто дом сдаёт или комнатку какую. Не на улице же тебя оставлять, правильно? Где мы ещё туристов-то для нашей деревни возьмём? – подмигнула она мне.

- Вы меня очень выручите, - собрала я пальцы в замок перед грудью.

А внешний мир без сопровождения охраны и личного водителя оказался не таким страшным, как мне описывали его родители.

- Ну, всё, - кивнула Надежда Леонидовна на дверь. – Иди погуляй, пока не жарко, а потом приходи. По глазам вижу, что устала и спать хочешь. Если что. У меня в магазине перекантуешься, а вечером я тебя к себе и на ночёвку заберу, если не найдём, куда тебя пристроить.

- Большое спасибо!

- Иди уже. Я столько «спасибов» от людей за год не слышу, сколько от тебя за минуту.

Едва не подпрыгнув на месте от переполняющего меня восторга, я вышла из магазина. Закинула целлофановый пакет в старую маленькую урну у входа и, подставив лицо яркому весеннему солнцу, с наслаждением втянула чистый прохладный воздух.

Посмотрела по сторонам, прикидывая, куда можно пойти, и пока ничего не придумала, кроме того, что точно пойду в противоположную сторону от лениво бредущих по дороге коров.

Я сделал шаг, второй, третий и внезапно меня окликнул мужской голос:

- Эй! Как там тебя… Золотая ручка, постой!

Я остановилась и настороженно обернулась.

- Что, простите? – поинтересовалась я с опаской у подоспевшего ко мне Тихона.

- Да чё прощать-то? Ты же мне ещё ничё не сделала, - отмахнулся он по-простецки. – Говорят, ты хату ищешь?

- Хочу снять ненадолго домик, да.

- Я с обеда уезжаю на месяц к дочке. Буду жить у неё на даче, а моя хата остаётся без присмотра. Поживёшь?

- А почему вы уезжаете?

- Понимаешь, - мужчина неловко переступил с ноги на ногу. – Сегодня вечером приезжает сосед. Он не любит алкашей и пьющих. И так вышло, что всё это – я. Так что мне лучше весь месяц, что он здесь будет отдыхать, не попадаться ему на глаза. Иначе убьёт. Он может, - закончил он весьма серьёзно.

- Вы предлагаете мне домик по соседству с убийцей?

- Ну, ты же не алкашка? Или алкашка?

- Нет.

- Ну, тогда нормально всё будет. Поживёшь у меня с месяц, за огородом моим поухаживаешь… Или ты ненадолго?

- Цена вопроса? – по-деловому поинтересовалась я.

- Я же сказал, за огородом моим присмотришь, - ответил с нажимом, будто перед ним очень тупой человек в моём лице. - Чтобы всё взошло и росло, как надо. Я ещё не всё посадил,

правда. Но тебе оставлю семена. Сама там всё сделаешь. А-то опять из-за этого Зэка без урожая останусь… - последнее предложение он пробубнил себе под нос.

- Зэк? Какой ещё Зэк? – а это уже звучит устрашающе.

- Да… это я так… свои мысли гоняю. Не обращай внимание, - отмахнулся мужчина. – Ну, так чё? Заселяешься, нет?

Я зажевала нижнюю губу, прикидывая, чем я рискую, заселяясь в дом неизвестного алкаша на целый месяц. У меня будет целый дом и даже огород, в котором я ничего не смыслю. Едва ли Тихон представляет для меня хоть какую-то угрозу, учитывая его комплекцию. Если только его сосед… Но ведь я буду вести себя тихо и незаметно. В конце концов, я могу уйти в любой момент, а сделать это будет очень легко, учитывая, что за аренду дома я не отдам ни копейки.

- Хорошо, Тихон, я рассмотрю ваше предложение касаемо жилья, - я вела себя как папа во время своих деловых переговоров. Аж передёрнуло.

- Да не Тихон я, а Григорий Вениаминович! – обиженно цокнул мужчина. - Это дети местные, будь они неладны, насмотрелись мультика про Алёшу Поповича и прозвали меня Тихоном. А вся деревня подхватила. Ладно, Сонька, это всё лирика. Пошли, дом тебе покажу, - махнул он рукой, зазывая следовать за ним.

- Идёмте… Григорий Вениаминович, - произнесла я старательно его имя, чтобы запомнить.

Я молча шла за мужчиной, который, в свою очередь, не молчал ни секунду. Судя по контексту, он пересказывал мне последние сплетни их деревни, начиная от того, чья коза и кого родила и заканчивая тем, кто и отчего умер.

- А почему по этой дороге так странно раскиданы еловые ветки? Будто кто-то оставил, чтобы не заблудиться, - хмыкнула я и мысом кроссовка коснулась одной из веток.

- Я же тебе только что сказал, что на днях Прокопьевна умерла. Ты чем слушала-то, Сонька?

- А как это связано с ветками?

- Так за покойником бросают. Чтобы его дух ушёл за телом и не лез к живым. По этой дороге же до погоста едут. Ты, чё, на похоронах ни разу не была? – глянул он на меня через плечо, пока я в ужасе думала о том, чем и как оттереть кроссовок от касания с потусторонним миром. Наверное, придётся его сжечь…

- Господи! – выдохнула я, вся подобравшись. И сошла с дорожной колеи, чтобы больше никак не соприкасаться с ветками, даже случайно.

- Почти пришли, - довольный собой оповестил меня Тихон. Не знаю, почему, но я согласна с местными, что Тихоном его называть гораздо удобнее, чем он мне представился.

Я подняла взгляд от дороги и увидела высокий забор из профлиста цвета темного шоколада. А за ним огромный двухэтажный дом из красного кирпича. И даже удивилась. Не ожидав, что столь маленький Тихон живёт в таком огромном доме. Компенсирует, наверное.

Но Тихон не остановился у калитки и ворот, которые обозначились столбами из того же красного кирпича, что и дом, а прошёл дальше. Завернул за угол высокого забора и, остановившись, махнул в сторону старых покосившихся деревянных ворот, с которых, похоже, уже очень давно слезла зеленая краска.

- А вот и отель для тебя на ближайший месяц, - гордо объявил Тихон и распахнул калитку, повернув большое металлическое кольцо на ней. – Собаки нет, проходи, не бойся.

- Это ваш дом? - поинтересовалась я, стараясь не выдать мимикой, что думаю о сарае, который этот мужчина называет домом.

- Конечно, мой. Могу документы показать. Ну, что? Начнём экскурсию с огорода? У меня всё здесь, - показал он на участок земли напротив дома. – Грядок тут у меня немного, потому что я живу один, мне много не надо. Да и дочка помогает. Я сделал пока только три грядки,

посадил в них морковку – две, и чеснока - одну, так что не забывай вечерами поливать. Ну, чё я тебе объясняю? Не маленькая же, сама соображаешь, что да как, - махнул он рукой.

- Ага, - выдохнула я, глядя на грядки, которые визуально напоминали возвышения над могилами. Только венков и памятников не хватало.

Мне показалось, или еловые ветки закончились как раз напротив его дома?

Господи…

- Копай до того забора. Ну, тут видно, где границы огорода, - говорил тем временем Тихон. – Инструмент у меня весь в сараюшке.

Хотелось поинтересоваться, в какой именно, ибо всё, что здесь есть – это сараюшки, но пришлось прикусить язык и последовать за мужчиной в дом, продолжая слушать дальнейший инструктаж.

- Это мои сени. Но здесь ничего интересного нет. Только старый самогонный аппарат, - указал он на штуку в углу темного помещения, которое, судя по всему, должно быть застеклено, но вместо стёкол здесь были только листы фанеры и даже противень.

Половые доски, которые никогда не видела краски, громыхали под ногами.

Тихон открыл ещё одну дверь. Настолько небольшую, что мне пришлось пригнуть голову, чтобы войти в дом, переступив через неоправданно высокий порог. Порог, блин, высотой в половину дома.

- Ну, собственно, моя хата, - махнул Тихон руками, охватив пространство, в которое я попала.

Первое, что я не могла не заметить, - вонь прокуренного помещения.

К горлу мгновенно подступила тошнота, пришлось заставить себя глубоко не дышать.

Я даже по ощущениям будто в прокуренной дымке оказалась. Словно сизые клубы дыма витали вокруг.

Низкий потолок, до которого я могла достать поднятой рукой. Возможно, когда-то он был белым, но теперь видел лишь паутину и пыль. Стены выглядели примерно так же: ни единого намёка на обои.

- Это у вас краска такая на стенах? – поинтересовалась я аккуратно, пока мужчина прибирал со стола сковородку.

- Какая краска? Ты чё? Побелка это. Лет пять назад белил. Можешь, кстати, перебелить, если хочешь. Можешь, вообще, сделать тут всё, как тебе удобно. Только не сожги хату, а остальное всё на твоей совести.

- Ясно, - протянула я, продолжая разглядывать дом, который слишком поспешила взять в аренду.

- Тут у меня кухня, - указал Тихон на «кухню».

Стены с полками из неотесанных досок, старая плита, какая-то непонятная тумба и буфет. Я такой в музее видела когда-то. Старый холодильник, который тоже когда-то был белым, но теперь был жёлтым.

- А это что? – кивнула я в сторону непонятного сооружения с грязной раковиной.

- Умывальник, - ответил Тихон, посмотрев на меня, как на дурочку. – Вот вы, городские, даёте! Не знать, что такое умывальник, - хохотнул с издевкой. – Сюда воду заливаешь ковшичком, потом вот эту пипку толкаешь и льётся вода. Тут и мыло есть, и шампунь мой. Всё есть.

Пока Тихон демонстрировал мне работу умывальника, я пыталась понять, как ему так хорошо удалось спрятать свой дом, что в него не попал ни один смеситель.

- Тут фляга с водой, - указал он на железную штуку рядом с моей ногой, на крышке которой лежал белый эмалированный ковшик. – Тележка для неё у ворот, а водокачка на соседней улице. Ну, тебе покажут, если что… Тут у меня стол и две табуретки, - указал он на стену противоположную кухонной. Здесь под окном, из которого была видна часть забора и лес, стоял стол без намека на скатерть и две деревянные табуретки под ним. – Ну, это печка. Это и дураку

понятно, - махнул он рукой в сторону белой огромной махины, которая служила здесь стеной между кухней и другим помещением, в которое прошёл Тихон. – А здесь у меня спальня, кровать, телевизор. Комод для вещей, если захочешь что-нибудь сложить. Так, что ещё? – покрутился он на месте. – Баня во дворе… Ну, её ты и сама найдёшь.

- А туалет? – поинтересовалась я аккуратно.

Его дом реально состоит из этих двух крошечных помещений? У меня комната раза в три больше, чем весь его дом!

- Так на улице сортир. Как у всех. Кто в доме-то срёт?

- Ясно, - пискнула я.

- Так… семена в комоде. В следующие выходные обязательно посади огурцы в парник. Говно уже горит, так что не затягивай. Только обязательно на ночь замочи семена. Не забудь. Плёнку я уже натянул, всё приготовил…

Я слушала его и кивала головой, как болванчик, не понимая ни слова из того, что он говорил.

Глядя на полы с потёртой коричневой краской, я пыталась понять, как вообще смогу здесь не то, что жить, а выжить? Всё это ведь абсолютно непригодное для жизни помещение, а Тихон рассказывает о нём так, будто это хоромы.

Грязные, пыльные хоромы, обтянутые паутиной.

- Ну, вроде, всё понятно. Всё объяснил, - будто бы немного хвалил себя Тихон, хлопая ладонями по карманам необъятного пиджака.

Пока я не рисковала сделать хотя бы шаг от порога, Тихон метался по помещению, которое он назвал своей спальней, и скидывал в старую цветастую сумку какие-то свои вещи и, кажется, паспорт.

Он за границу собирается бежать?

- А ваш сосед, он…? – указала я большим пальцем себе за спину в сторону, где находился большой кирпичный дом. – Он живёт там?

- Ну, а где ж ему ещё быть? С другой стороны от меня только лес, а здесь… сосед. Но ты не переживай и, на всякий случай, музыку громко не слушай, сама тоже не пой. И не свисти, - добавил Тихон, с ужасом в глазах посмотрев на меня.

- Я не умею свистеть.

- Значит, долго проживёшь, - махнул руками Тихон. Снова метнулся к комоду, что-то там посмотрел и проверил, а затем подбежал к тумбе, на которой стоял телевизор… Телевизор стоит? Как он у него стоит?... Что-то взял из тумбы и засунул во внутренний карман пиджака. – Ладно. Скоро автобус. А мне ещё нужно до остановки дойти. Сама видела, что она не близко.

- Угу. А… подождите. Что я могу делать в этом доме? В смысле, могу ли я сделать небольшой косметический ремонт?

- Делай, что хочешь. Только хату мне не спали и про огород, самое главное, не забудь. Ну, ты же не пьющая?

- Не пьющая.

- Тогда всё зашибись будет. Я, вон, даже пьяный такой огород выращиваю! Бабки в деревне каждую осень проклинают, – хохотнул он с гордостью.

- Ясно, - улыбнулась я уголками губ, продолжая с ужасом разглядывать окружающую меня обстановку.

- Ну, всё. Я поехал.

- Подождите! – остановила я его. – А ключ, замок… Как у вас дом запирается? Я ведь буду уходить в магазин или уеду раньше, чем вы вернётесь.

- Пойдём, покажу, - кивнул он в сторону выхода из дома и первым вышел. Я за ним. Мы вышли из сеней, Тихон протянул руку к месту, где в окне вместо стекла был прибит противень и вынул откуда-то снизу маленькую веточку, величиной с мой мизинец. – Вот так берешь и

закрываешь, - сказал он, накинув металлическую плашку на загнутый гвоздь. И закрепил всё эту конструкцию веточкой. – И всё. Видно, что дома никого нет.

Если бы таким же образом закрывался дом отца, то из него вынесли бы всё за секунду.

В какой Вселенной дом считается надёжно закрытым потёртой веточкой? Наверное, только во Вселенной этой деревни.

- А ночью как быть? Сюда же может зайти, кто угодно!

- Ну, на ночь дом закрывается изнутри. Вот тут крючок, - указал он на дверь сеней со внутренней стороны. – И здесь у меня тоже крючок, - продемонстрировал он крючок гораздо толще, но уже на двери самого дома. – Сколько раз Надюха приходила требовать с меня долг в магазине… Ни разу его ещё не смогла открыть. Так что и тебя ночью никто не украдёт. Можешь не переживать.

Будто других поводов для переживаний недостаточно…

- Всё? Больше вопросов нет? – вопросительно вскинул мужчина брови.

- Вроде, нет.

- Ну, тогда я поехал, - он нырнул рукой в карман растянутых штанов и вынул из него кнопочный телефон. – О! Автобус до города уже через сорок минут. Всё, бывай!

Кнопочный телефон?

Я реально попала в какой-то музей?

Тихон достаточно шустро убежал, закрыв за собой ворота. Я осталась на маленьком крыльце и несколько секунд пребывала в шоке, глядя перед собой на грядки, похожие на захоронения, которые он после себя оставил.

А ещё я с непониманием смотрела на забор между участком, на котором была я, и тем участком, на котором стоял большой кирпичный дом. Между нами стоял старый деревянный забор. Он не был покосившимся, но и аккуратным его назвать нельзя было.

Видимо, хозяин того большого дома побрезговал тратить свой высоченный профлист на то, чтобы отгородить себя от пьющего соседа. Тихон наверняка бы его испортил или сломал в пьяном угаре.

Или хозяину того дома интересно наблюдать за Тихоном с окна, например, второго этажа? По-любому, для него участок Тихона с такой высоты открыт, как на ладони.

Глава 5

Тихон убежал так быстро, что звук, с которым он захлопнул калитку, до сих пор звенел в ушах. Я как контуженая стояла на крыльце дома и не знала, с чего начать.

Почему Тихон не живёт в том высоком кирпичном доме? Кто и за какие грехи поселил его в этот сарай, в котором складируют пыль и паутину?

Несколько минут я рассматривала участок и пришла к выводу, что изучение сельхоз дела для меня сейчас не является приоритетным. Мне бы обустроить дом внутри так, чтобы я смогла в нем хотя бы сегодня выспаться. Потому что, на данный момент, кроме сна я ничего не хотела.

Я зашла в дом. Хотела поставить куда-нибудь свой рюкзак, но поняла, что здесь нет ни одного места, не объятого пылью или паутиной. Поэтому, накинув рюкзак со своими скромными пожитками на плечи, я вынула из кармана телефон, открыла пустые заметки и осмотрелась вокруг, прикидывая, что мне нужно для личного удобства. Так делала наша домработница: правда писала она на листе и ручкой. Но принцип я у неё переняла тот же – смотреть по сторонам, видеть, чего не хватает, и записывать.

Мне для личного удобства нужно всё. Вообще всё! Ибо здесь нет абсолютно ничего.

Я начала с кухни. Посуда – хоть какой-нибудь минимум. Ложка, кружка, тарелка, кастрюлька, сковорода. Чайник. Нож. Тем, что принадлежит Тихону, я пользоваться не буду. Судя по внешнему виду, его посуда даже не отмоется, чтобы ею можно было воспользоваться.

Кстати, об «отмоется» - побольше моющих. Все виды моющих, какие я смогу найти в магазине. Насколько я помню, в магазине их было предостаточно. Не факт, что я умею хоть чем-то из них пользоваться, но на крайний случай под рукой всегда есть интернет.

И «моющих» для себя нужно не забыть: шампунь, гель для душа, жидкое мыло.

Про резиновые перчатки для уборки нужно тоже не забыть. Голыми руками я всего этого касаться не стану. А ещё гору тряпок и губок.

Столовая… Скатерть на стол – однозначно. Какие-то подушки на табуретку под задницу, ибо черный налёт на дереве выглядит так, будто я могу от него чем-то заразиться.

Господи, спасибо тебе за Полину Андреевну! Спасибо, что ты послал её нам в домработницы и спасибо тебе за то, что она не ленилась отвечать на тонну моих вопросов касаемо быта, когда я была мелкой. Это сейчас новые домработницы, которых наняла мама, тихие и молчаливые. На вопросы отвечают неохотно, а если и отвечают, то с оборонительной позиции, будто боятся, что я ищу изъяны в их работе. А мне просто любопытно, скучно и хочется хоть с кем-то поговорить, потому что с папой друзей не заведешь.

А теперь спальня.

Кровать – сразу нет. Я к ней и близко не подойду. Что это за безобразие с постельным, которое, похоже, ни разу не стирали? Кошмар! Даже палкой это всё трогать не стану.

Отсюда следует, что мне нужна кровать. Своя собственная. И постельное, разумеется. И подушка.

И как я всё это допру до дома? Хотя нет, тут разумнее спросить – есть ли всё это в местном единственном магазинчике?

Но для начала мне очень хочется в туалет.

Тихон сказал, что он где-то на улице.

Надеюсь, не просто под открытым небом? Учитывая, в каком состоянии его дом, не удивлюсь, если он как кот или собака испражняется там, где приспичит, просто вырыв ямку.

На дворе оказалось три постройки. Я с опаской приоткрыла дверь в ближайшую и увидела небольшое помещение с деревянной высокой лавкой во всю стену. Напротив неё стояла печь, на которой расположилась старая, будто горевшая когда-то огромная кастрюля.

- Баня, наверное, - шепнула я себе под нос. Пахло, кстати, чем-то мыльным.

Почти примыкая к бане, стояла ещё какая-то деревянная постройка. Я тоже заглянула в неё с опаской и обнаружила метлы, тачку, лопаты, грабли, вилы, лейки… Всё, чем пользовались наши садовники. Только у садовников всё было современное, а у Тихона очень старое и даже не цветное.

Следующая постройка расположилась в дальнем углу двора. Небольшой теремок с дыркой в верхней части двери. Чуть покосившийся. И чем ближе я к нему подходила, тем больше понимала, что это точно не туалет. В него не влезет ни ванна, ни раковина, ни даже нормальная душевая кабина.

Но, всё же, я открыла дверь, не поленившись, как и у предыдущих, повернуть деревянную закрывашку на гвозде. Едва я распахнула дверь, как в меня волной ударил запах дерьма. Самого настоящего. Ничем незамаскированного.

По инерции меня отнесло назад на пару шагов. Я рефлекторно прикрыла нос рукой и рукавом толстовки и с ужасом воззрилась на дырку в деревянном полу этого теремка.

Микрошажками я снова приблизилась к этому «зверю» и даже зашла внутрь. Заглянула в дырку и вылетела пулей из этого Ада, тут же наблевав куда-то под забор.

- Фу! – утёрла я уголки губ и слёзы, выступившие из глаз. Ещё раз посмотрела на теремок, в котором не было ничего хорошего, и поняла, что это и есть туалет. И под «кто срёт на улице?» Тихон имел в виду, что срут здесь вот в таких вот теремках. Какой кошмар! – Пофиг! – выронила я, когда смогла отдышаться и прийти в себя. – Зато не под престарелым женихом.

А в местный туалет я без освежителя точно не зайду. Поэтому придётся ещё немного потерпеть.

Пришлось сразу идти в магазин со списком всего самого необходимого.

- Быстро ты нагулялась, - хохотнула Надежда Леонидовна.

- Решила всё за один день не смотреть. Потом неинтересно будет.

- А я, слушай, поспрашивала у местных. Никто не сдаёт ни дом, ни комнату. Так что переночуй сегодня у меня, а там видно будет.

- Спасибо, но я уже сняла домик.

- Да?! – взлетели нарисованные брови. – У кого?

- У… Тихона, - ответила я, напрочь забыв, как его зовут по-настоящему.

- У Тихона?! – ещё немного и её брови улетят в стратосферу. – Ты с ума сошла, что ли?!

- Я тоже так думаю… - буркнула я себе под нос.

- Там же Зэк сегодня приезжает! Сосед Тихона.

- Зэк? Прямо настоящий… бывший заключенный? – я с ужасом смотрела на женщину, понимая, что если меня не убьёт туалет, то точно убьёт сосед.

- Да кто его знает, настоящий он или нет! Ты на татуировки его посмотришь и сама всё поймёшь. Там и дураку ясно, что он с малолетства сидит. Вор в законе, наверное, какой-нибудь. Иначе, откуда он взял столько денег, чтобы домину такую отгрохать?! А машины ты его видела? Каждый год на новой приезжает. А он уже лет семь сюда приезжает и ни разу ещё машины не повторились. Ни разу! – акцентировала женщина внимание. – Это значит, что он, либо когда-то хорошо наворовался, либо до сих пор грабит и убивает.

- Это вы по татуировкам на его теле прочитали?

- Это на его лице написано. Да ты и сама всё увидишь, когда он приедет. Сегодня вечером, кстати. Так что… сиди в доме тихо и постарайся вести себя незаметно. Не хватало ещё, чтобы с тобой что-нибудь случилось. А я буду тебя проверять каждый день. И ему скажу, чтобы подальше от тебя держался, - Надежда Леонидовна оказалась настроена воинственно. А я теперь испытывала большой страх не перед туалетом, в который мне придется пойти с диффузором, который я там оставлю, а перед будущим неизвестным соседом, которого тут, похоже, все считают и называют Зэком.

Я купила в магазине всё, что внесла в свой список. И ещё сверху из того, что мне посоветовала Надежда Леонидовна, знающая особенности Тихоновского быта. Правда, вместо кровати пришлось купить надувной матрас, а к нему подушки, постельное и одеяло. Вёдра, веник, совок, кипятильник, тазы в баню, полотенца после бани и простые ручные. По совету продавщицы я купила в спальню ковёр, на который положу уже надутый матрас и, увидев ещё несколько ковров поменьше, скупила и их, чтобы застелить пол в кухне и столовой. А ещё купила детский пластиковый комод, чтобы хранить в нём свои вещи. Кое-что из одежды я тоже прикупила. И тапочки домашние. Мягкие и уютные в виде зайчиков.

И миллион раз спасибо Надежде Леонидовне, что она позвонила своему мужу, который помог мне привезти всё купленное домой, а не нести всё это на себе.

А затем я с переменчивым успехом отмывала дом, блевала и плакала, но не сдавалась.

Себе в голове я рисовала картинку, что надо мной, как обычно, нависает папа и внушает мне, что я ничего в этой жизни не умею и ничего без него не достигну.

Стоило мне только представить, что он в очередной раз так говорит, как я утирала слёзы и возвращалась в дом, чтобы продолжить начатое наведение чистоты.

Вечером, когда почти село солнце, я привезла домой ещё флягу воды, уже пользуясь водокачкой так, будто делала это всегда. Хотя первые разы мне помогли мальчишки, которые сначала смеялись надо мной, а потом сжалились и показали, как пользоваться водокачкой. Ну, и как выглядит водокачка, они тоже мне показали.

Надежда Леонидовна на пальцах объяснила, как топить баню, но у меня уже не было на это никаких сил. Решив, что баней я займусь завтра (в том числе, отмою её, как следует), я просто нагрела себе ведро воды и сполоснулась в холодной бане.

Как оказалось, туалетом здесь пользуются действительно именно таким, какой был у Тихона. Скажу честно, ещё никогда в жизни я не писала не дыша и так быстро, как в этой деревне. Даже, учитывая, что установила в туалете дифузор, я не рискнула в нём дышать.

А затем чистая и уставшая, одетая в большую футболку, которую купила у Надежды Леонидовны, я стояла на крыльце и смотрела на дом напротив. Без какой-либо цели. Просто этот дом был единственным, что было видно с крыльца Тихона.

Я смотрела и думала, ищут ли меня родители, сестра, несостоявшийся жених… Можно, конечно, открыть ленту новостей и почитать, но, честно говоря, не было ни настроения, ни сил на это. Да и после пережитого дня уже было плевать, ищет меня кто-то или нет.

Пока я стояла на крыльце, к воротам кирпичного дома подъехала громко рычащая машина. Её не было видно, но слышно было очень хорошо.

По звуковому сигналу, как у ворот родительского дома, я поняла, что открылись ворота. Машина въехала на территорию дома, что было видно мне на расстоянии, а затем заглохла. Ворота закрылись.

Через несколько минут в доме на первом этаже загорелся свет, а я поспешила скрыться в арендованном мной сарае.

Я была готова к испытанию бытом, но я точно не готова ко встречи с каким-то Зэком прямо сейчас.

Глава 6. Матвей

Шесть часов в дороге и, наконец, я добрался до единственного укромного уголка на этой планете, где меня никто не достанет. Ни бизнес, ни дела, ни бабы.

Только рыбалка, огород, банька, я и кот.

Ржавый в переноске тоже замер в ожидании. Он, вообще, возвращается на Родину, где я его подобрал, когда он мелкий отбивался от стаи собак. Не зассал и именно поэтому заслужил право остаться со мной на ПМЖ. Хотя и ПМЖ не планировалось. Я думал, покормлю его тот месяц, что живу в деревне, а потом уеду. Кот не из робких, сам бы себя прокормил. Но уехать и оставить его не удалось. Когда я сел в машину, чтобы вернуться в город, рыжий кот, у которого на тот момент не было ни клички, ни прописки, уже сидел на пассажирском кресле и ждал, когда мы поедем.

Пришлось оставить себе. С кличкой заморачиваться долго не стал. Сначала он был просто Рыжим, а потом со временем стал Ржавым. Единственное, что осталось неизменным, - я его не глажу. Сначала он не давался, то убегая, то кусаясь, а затем я понял, что, в принципе, нужды в том, чтобы его гладить, у меня нет. Помыться и причесаться он умеет сам. Как и шараёбиться по городу, добывая себе еду, пока я на работе.

Со звуковым сигналом ворот переноска с котом начала ходить ходуном. Если бы не она, Ржавый уже бесоёбил бы по всему салону машины, ожидая, когда его выпустят на вольные хлеба.

Припарковав машину и закрыв ворота, я выпустил кота из переноски на улицу. Рыжий чёрт расслабленно потянулся и, зажмурившись, принюхался к чистому чуть прохладному майскому воздуху.

- Пиздуй. Пометишь что-нибудь на нашей территории – отрублю яйца, как обещал. Ссать можно только у Тихона. Можешь его сожрать, если этот алконавт ещё здесь.

Дав коту наставления, я, наконец, вошёл в дом. Последний раз я был здесь в новогодние праздники и с тех пор дом пропах пустотой и затхлостью. На полках лежала пыль, которой я займусь завтра. Пока ограничусь открытием окон, чтобы проветрить дом.

Сегодня после работы и шестичасовой езды я устал, как собака. Поэтому сил хватит только на душ и смену постельного.

Принёс из машины сумку с вещами и поднял её на второй этаж в спальню. Посмотрел в окно и с сожалением увидел участок Тихона. Я сотню раз предлагал ему деньги за его участок, планируя снести с него все постройки и засадить всё смородиной, малиной и черешней, но этот упёртый хрен отказывался даже под давлением. Пришлось перейти на угрозы, но после этого он лишь научился меня избегать. Поэтому вместо запланированного цветущего сада я вынужден видеть покосившийся сарай и засранную вокруг него ограду с кучей металлолома и старых досок.

Завтра, если он не успел свалить, приложу его пару раз об забор. Может, сговорчивее станет. Я и так предлагал ему денег в разы больше, чем стоит его дом, участок и жизнь вместе взятые.

После душа я без задних ног завалился спать, но по привычке проснулся в шесть утра. По привычке кота требовать в это время жрать.

- Съебись! – смахнул я его с себя и сел в постели, устало потерев лицо ладонями.

Ржавый спрыгнул с постели и сел у двери, демонстративно составив передние лапы и положив на них пушистый хвост, начал высокомерно на меня пялиться, ожидая, когда я соизволю поднять задницу с постели и покормлю Его Величество.

Первым делом я подошёл к окну, чтобы раскрыть шторы и увидеть, что с погодой. Нужно понять, какие на сегодня строить планы: работать на участке или пока ограничиться уборкой в доме.

Вроде, тепло. На небе ни облачка. Птицы в счастливой истерике. Значит, после завтрака можно прибраться во дворе.

Только дом Тихона портит красоту природы. С весной растаял снег и из-под него показался Тихоновский сарай.

Сжечь его, что ли? Может, хоть так куда-нибудь переедет?

Только я собрался отойти от окна, как из дома Тихона с оглушающим визгом выскочила какая-то девица в большой белой футболке. Она верещала на всю деревню, прыгала на месте и била себя ладонями, словно пыталась что-то смахнуть.

Босыми ногами она топтала землю у крыльца и, кажется, не понимала, что выбежала на улицу без обуви.

Проснулась и увидела с кем? – злорадно хохотнул я в своих мыслях.

Но, когда девчонка в порыве какого-то неистовства стянула с себя футболку и начала ею трясти в воздухе, оставшись в одном спортивном белье, стало ясно, что вряд ли такая подтянутая молодка добровольно клюнет на Тихона. Вряд ли у старой телеги, как Тихон, был хоть один шанс подкатить к этой бентли.

Заинтересованный визгом Ржавый запрыгнул на подоконник и тоже начал разглядывать девчонку, которая уже перестала верещать, но трястись сама и трясти в своих руках футболку не перестала.

- Пьяная или ебанутая? – спросил я у кота. Тот глянул на меня и, с ленцой моргнув, вернул внимание девчонке.

Я знаю, что у Тихона есть дочка, но это точно не она. Ту баржу с огромной задницей и картофельным носом хрен с кем перепутаешь.

Кто она такая и где сам Тихон?

Глава 7

Поверить не могу, что впервые за двадцать лет я проснулась сама. Не по будильнику и не от вопля папы, мамы или домработницы, что мне пора на беговую дорожку.

Сегодня мне никуда не надо. Вообще. Абсолютно.

Полная свобода действий.

Прямо сейчас я могу встать только ради того, чтобы перекусить, а затем снова лечь спать, чтобы выспаться за все годы недосыпа. Никогда бы не подумала, что помимо свободы от влияния папы буду несказанно рада просто выспаться.

Перекатившись на своём надувном ложе на живот, я вытянулась струнко до приятного растяжения в мышцах.

- Кайф, - шепнула я сама себе с улыбкой.

Приоткрыла глаза и первое, что увидела в луче солнца, бьющего из незанавешенного окна, - крошечная мышь у комода. Она смотрела на меня глазами-бусинами и шевелила круглыми серыми ушками. Если бы я потянулась ещё немного, то точно задела бы её пальцами.

Взвизгнув, я резко село в постели и рефлекторно дёрнулась подальше от мыши, которая, испугавшись моего вопля, убежала за старый комод.

Я шумно и быстро дышала, продолжая в ужасе смотреть на то место, где только что была мышь. И только зудящие ощущения в левой руке вынудили меня отвлечься от созерцания пустого места и посмотреть на руку, на которой в районе запястья неспеша прогуливался паук с длиннющими лапами.

Я завизжала так, что, кажется, оглушила саму себя. Мне казалось, что пауки теперь были на каждом сантиметре меня. А уж когда я смахнула паука с запястья не в сторону, а ровно себе на бедро, я чуть с ума не сошла.

Не помня себя, я подскочила на ноги и вылетела из дома, едва не снеся все двери, что попадались на моём пути.

Я верещала и билась в конвульсиях, не в силах перестать стряхивать с себя пауков, которые теперь мне мерещились везде. В приступе неистовства я сняла с себя огромных размеров футболку, чтобы стряхнуть с неё любую живность. Ещё никогда в жизни мне не было так страшно.

Прижимая футболку к груди, я на цыпочках босыми ногами стояла у крыльца и смотрела на дом с опаской. В этом чёртовом сарае точно есть дверь прямо в Ад. И закрывается она на сухую веточку!

Ещё несколько минут я дёргала плечами и, в целом, вела себя как на шарнирах. Но прохлада утра и понимание того, что через забор с щелями меня случайно может увидеть приехавший вчера сосед, я надела футболку и вернулась в дом.

Вооружившись веником, я прошла в помещение, где располагалось моё спальное место. Просканировав пристально каждый сантиметр, я не нашла ни паука, ни мышку, никого, вообще. Они будто спрятались и притихли на оставшийся день, чтобы снова выползти из укрытий ночью и напасть на меня, пока я буду спать.

А если мне в ухо кто-то заполз?

Меня снова передёрнуло. Внутри обоих ушей нетерпеливо зачесалось.

- Гадость! – чертыхнулась я, вернувшись в кухню, совмещенную с гостиной, оставила у холодильника веник.

Из нового ведра с крышкой, зачерпнула своей кружкой воды и выпила всё до последней капли. Привычка пить воду сразу после пробуждения, наверное, останется со мной навсегда.

Всё с опаской разглядывая окружающую меня обстановку, я подошла к умывальнику (со вчерашнего дня я знаю, как это называется) и взяла зубную щетку и пасту. Умывальник и

раковину я тоже вчера отмыла. Дважды блевала из-за какой-то слизи на стенках алюминиевого бака, но, всё равно, всё отмыла. Он даже блестеть начал.

Почистив зубы и сполоснув лицо прохладной водой, я с отвращением посмотрела на окружающие меня стены. Они ужасно грязные и блёклые. С ними, определенно, нужно что-то делать. То, как они выглядят сейчас - отвратительно.

Нужно спросить у Надежды Леонидовны, она должна знать, что делать с их местными специфическими стенами. Заодно куплю продуктов хотя бы на неделю. Я вчера подумала о том, как хоть чуть-чуть обустроить быт и спальное место, но не подумала о том, что мне нужно чем-то питаться.

Хотя, после того, сколько раз за время уборки меня рвало, я не удивлена, что про еду я даже не вспомнила.

Чёрт! Нужно расческу ещё купить. Причесываться пальцами не очень удобно, особенно, когда волосы вьются к кончикам.

Но для начала нужно проверить, что там у Тихона с холодильником. В него я вчера вообще не заглядывала. Честно говоря, открывать ту тарахтящую на весь дом штуку очень страшно. Есть стойкое ощущение, что внутри этого аппарата кто-то умер и разлагается.

Схватившись за ручку, я вдохнула полной грудью аромат манго, как раз только что выданный диффузором, и резко дернула дверцу холодильника на себя.

Меня не стошнило, наверное, только потому, что уже было нечем.

Неизвестного происхождения рыба, казалось, срослась с грязной тарелкой. Лежащий рядом лимон покрылся плесенью и уже разрабатывал план побега. Сливочное масло выглядело, как коричневая жижа. Бутылка масла в дверце выглядела значительно лучше всего остального, но его я тоже выброшу.

Холодильник я заполню только своими продуктами. Разумеется, сразу после того, как отмою его.

А сейчас в магазин за продуктами и ещё какими-нибудь моющими. И шторками. Вот эти тряпки на окнах… к ним даже прикасаться не хочется, чтобы зашторить. Я смирилась с тем, что из потолка вместо люстр торчат просто лампочки на проводе, но то, что здесь невозможно нормально закрыть окна шторами, для меня уже слишком.

В магазине сегодня не было такого ажиотажа, как вчера. Как позже выяснилось, потому что сегодня не хлебный день.

«Хлебный день» - звучит как какой-то народный праздник. Видимо, поэтому в этот день такое скопление людей.

Когда я зашла в прохладный и темный после яркого солнца магазин, первое, что я увидела, высокого мужчину, чьи широкие плечи были обтянуты серой футболкой. Его руки были забиты татуировками. В основном, черными.

На ногах берцы и штаны, наверное, с сотней карманов. Не скажу, что он военный, но что-то в нём такое определенно было. По крайней мере, чисто по комплекции и одежде выглядел он, как человек из ОМОНа или любой другой спецназовец.

Но больше моего внимания привлек не он, а Надежда Леонидовна, которая смотрела на него со злостью, настороженностью и в то же время с опаской. Я думала, она всегда в хорошем говорливом настроении.

- Вот, кстати, и соседка твоя, - кивнула вдруг продавщица на меня, чем привлекла ко мне внимание мужчины, который прошёлся по моей фигуре безразличным суровым взглядом и снова отвернулся к прилавку. Он точно из каких-то спецслужб. Выглядит как чувак из очень крутого боевика. – Если с ней что-то случится, вся деревня будет знать, кто в этом виноват, - угрожала тем временем Надежда Леонидовна.

Сминая в кулаке лямку рюкзака, я не знала, куда себя деть. Почему нельзя по заказу провалиться под землю, когда очень нужно? И что за странное желание Надежды Леонидовны так отчаянно меня защищать?

К счастью, мужчина больше не посмотрел в мою сторону. Он вынул из кармана бумажник и вытянул из него карту, которую приложил к терминалу.

- А хорошее или плохое? – спросил он вдруг с усмешкой, и я услышала приятный мужской голос. Такой глубокий, уверенный, но тихий.

- Что? – не поняла продавщица.

Даже я не поняла.

- Хорошее или плохое должно случится с соседкой, чтобы вся деревня узнала, кто в этом виноват, - уточнил мужчина. Его явно веселило происходящее и страх женщины за прилавком.

Может, он и правда зэк?

- Ты пошути мне ещё тут! – чертыхнулась на него продавщица. – Первый турист на деревне к нам приехал. Пусть живёт!

- Ну… - мужчина повёл широкими плечами. – Пусть живёт. Пока.

Тут я громко сглотнула, а мужчина тем временем преспокойненько взял купленную им бутылку масла и вышел из магазина, более не удостоив меня взглядом.

Оно и к лучшему. Я ещё не отошла от того его взгляда. До сих пор холодный пот по спине.

- Проходи, Сонечка. Чего тебе?

- Отраву от пауков и мышей! – выпалила я.

Надежда Леонидовна с секунду на меня смотрела, будто загружалась, а затем прыснула, хлопнув себя ладонью по коленке.

- А чё ты хотела в доме алкаша-то? Хотя, у нас пауки и мыши не только у алкашей водятся. Отравы от мышей у меня нет, а вот от пауков тебе поможет побелка и уборка паутины со всех стен и углов. Совсем пауков выводить не нужно, они уховерток ловят хорошо. И мух.

- Кого? – подалась я ближе к женщине.

- Мух.

- Нет. Первое. Как вы сказали?

- А, уховертки? Это такие мрази, знаешь… как плоские черви с миллионом лапок. Заползет тебе такая в ухо или в нос… не дай Бог. Они ж ещё быстрые.

Меня всю передернуло и появилось непреодолимое желание почесаться.

Мамочки, куда я попала?!

- Так, что, Соня, берем известку?

- Это отрава такая?

- Это штука такая, которой стены белят. У Тихона стены кривые и побеленные лет сто назад, так что обои поклеить на них не получится. Вот, держи. Здесь килограмм. Тебе на весь дом хватит, ещё останется. Баню можешь побелить тоже.

Надежда Леонидовна положила передо мной на прилавок целлофановый пакет с какими-то бело-серыми комками в нём.

- А как ею пользоваться?

- Бери ведро, какое не жалко, желательно металлическое, засыпай всё это туда и заливай кипятком или просто теплой водой. Она растворится, подлей ещё воды, чтобы не была сильно густая, а потом бери кисть и мажь по стенам. Про потолок тоже не забудь. А! И порошок стиральный обязательно добавь в неё. И пахнуть будет вкусно, и к стенам прилипнет. А-то у Тихона пыль не даст известке к стенам пристать.

- Понятно.

На самом деле, непонятно было абсолютно всё. Но я пришла к выводу, что посмотрю в интернете весь процесс поэтапно.

- Раньше, помню, синьку добавляли в известку. У всех всё синее было. Ну, не совсем синее, конечно, - голубое. А потом стали делать просто белым. Тоже красиво.

- Ммм, понятно, - улыбнулась я женщине, пока плохо представляя процесс и результат.

- И ты это, не волнуйся. Сначала тебе будет казаться, что ты грязь по стенам размазываешь, но потом, когда всё высохнет, ты увидишь, что всё по красоте.

- Надеюсь.

- И не забудь все ковры из дома вытащить. Уделаешь в извёстке – хрен потом отстираешь. Кисть не забудь, - на пакет с извёсткой легла широкая здоровенная кисть. – Ты, кстати, питаешься чем, нет? А то я не помню, чтобы ты вчера что-то кроме булок покупала. Продукты-то возьми. Хватит Тихону дом переделывать. Он уже на этапе ковров, когда их увидит, с синих шар решит, что не к себе зашёл, - хохотнула женщина.

- На самом деле, я у него там совсем немного поменяла.

- Знаешь, у него там помытая тарелка уже выглядит, как капитальный ремонт. Так что не прибедняйся, Сонечка.

- Ладно. Не буду.

- Пирожки будешь? С ливером! Вкусные!

- Ливер – это…

- Потроха по-простому. Печень, легкие, сердце…

К горлу подкатила тошнота.

- Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

- Ты чё, из этих городских, у которых из мясного в рационе только заусенцы? – осуждающе воззрилась на меня женщина.

- Нет. Просто… Не люблю ливер.

- Ну, бери тогда, что любишь. У меня всё есть.

Глава 8

Клянусь, если моё поколение попадет на необитаемый остров, где не будет ни интернета, ни кого-то из опытных взрослых, то нам точно придёт конец. Мы не сможем развести костёр, потому что не сможем посмотреть, как это сделать, в интернете. Не сможем построить шалаш, потому что не приучены к труду, и не сможем добыть никакую пищу, потому что её нужно будет как-то приготовить. А где взять рецепт, если интернета нет? Так мы и сдохнем с телефонами в руках, потому что телефоны перестали быть стационарными, а люди, наоборот, ими стали.

Не будь в этой деревне интернета, то мне не осталось бы ничего иного, кроме нытья. Но спасибо, что здесь есть связь. Местами глючит, но эта спасительная соломинка у меня, всё же, имеется.

Только с помощью видеороликов я смогла справиться с известкой. Плевать, что я испугалась её шипения и странного треска, будто лопалось ведро. Но я с ней справилась.

По совету Надежды Леонидовны, я вынесла всё из дома, добавила в известку порошок. По советам из видеоролика предварительно обмела стены и даже потолок мокрым веником. А затем в процессе побелки я оказалась вся залита этой чертовой известкой, которая, казалось, разъедала кожу. Я уж молчу о том, как я ревела, когда брызги этой штуки попадали мне в глаза.

И, Надежда Леонидовна оказалась права – побеленные стены стали выглядеть ещё хуже. Будто по ним дерьмо кистью размазали. И всему виной глина. Глина! Та глина, которая вываливалась вместе с кусками старой побелки, стоило мне задеть стену кистью. Кто мажет стены глиной? Для кого придумали современные отделочные материалы? Я уж молчу о том, что местами глина выглядела так, будто в неё дерьма подмешали. Особенно на печке.

Я потратила весь день на то, чтобы, как я думала, сделать стены чище и красивее, но, похоже, сделала только хуже. И справилась я только с той зоной, где была кухня, и с печкой. На спальню у меня уже не было никаких сил. Ещё и сосед вместе со своим котом периодически пялились на меня через забор. Нет, чтобы помочь мне с флягой, которую я едва-едва закатывала во двор дома и до бани. Эти двое – Зэк и кот – смотрели на меня так, будто я маленький ребенок, который пусть делает, что хочет, лишь бы не плакал.

А я ведь и плакала. Плакала, когда посмотрела на результат своего ремонта и увидела, что грязи стало только больше. Плакала, когда отмывала пол и окно от извести, и плакала, когда, частично отмыв руки, лицо и шею под умывальником, не смогла растопить баню. Потому что дров наколоть не смогла.

Был топор, были дрова, но я не смогла сообразить, что с ними сделать.

А затем, пала настолько низко, что пошла подглядывать за соседом, который в это время, как раз, занимался дровами.

Без футболки, словно хвастая татуировками и поджарым торсом, он колол дрова, не испытывая никаких трудностей.

Я смотрела на него со спины и пыталась понять, как у него так легко всё получается.

Он заносил топор над головой, под загорелой кожей спины перекатывались литые мышцы, особенно в зоне лопаток. Он плавно заносил топор вверх, а затем резко бил вниз.

Выглядело всё настолько легко и просто, что казалось оскорбительным. Оскорбительным для меня, потому что я не могла справиться с малюсенькими дровами, в то время, как Зэк рубил поленья больше меня в обхвате.

Словно почувствовав на себе мой взгляд, мужчина в один из моментов посмотрел через плечо и поймал меня за подглядыванием.

Я успела только стыдливо и испуганно вздохнуть, а затем быстро, почти бегом, ретироваться с места «преступления». Потому что посмотрел он отнюдь не по-доброму. Посмотрел темным взглядом так, будто пообещал, что следующим после полена разрубит меня.

Придя в себя, глянув на закатное солнце, я не придумала ничего лучше, кроме как делать все ровно так, как делал Зэк за забором.

- Ты мужик! Ты сможешь! – шептала я себе.

Поставила небольшое полено на очень большой… пень? Что это? Плевать. Главное, что на нём мне должно быть удобно наколоть дрова. По крайней мере, у Зэка точно такой же пень во дворе.

Занеся топор над головой, я мысленно прицелилась примерно к середине маленького поленца.

- Пожалуйста, - взмолилась я тихо и, за каким-то чертом, зажмурив глаза, резко опустила топор вниз.

Стук, треск, что-то улетело в сторону.

Я распахнула глаза и увидела, как поленце разлетелось по сторонам, расколовшись ровно на две половины.

- Да! – вскрикнула я и запрыгала на месте. – У меня получилось!

Хотелось с кем-то поделиться своим успехом, но никого рядом не оказалось. Чувство триумфа угасло, но не исчезло совсем.

- Получилось! – порадовалась я ещё немного. Собрала то, что получилось расколоть, и сложила рядом с пнём, как делал Зэк, который колол дрова с лёгкостью балерины. Видимо, так правильно. По крайней мере, выглядит логично.

Но затем я потратила минут пять на то, чтобы вынуть топорище из пня. И опять же, не смогла этого сделать, пока снова не подглядела за Зэком, у которого, к счастью, топор тоже застрял в пне. Но он смог его вынуть за секунду одним уверенным движением руки.

Глава 9. Матвей

Мда…

Я был уверен, что в этой жизни повидал уже всё, но оказался не готов к тому, что могу поперхнуться кофе, увидев из окна, как девчонка вышла из дома Тихона, залитая известью с головы до ног.

Она что-то ревела, кашляла, плевалась. Пару раз пнула бочку, в которой Тихон хранит воду для полива огорода. Но затем, будто бы с намерением начистить кому-то рожу, она возвращалась в дом, зажимая в руке кисть для побелки.

- Туристка, - подмигнул я Ржавому, который вместе со мной, сидя на подоконнике в зале, наблюдал за действом, разворачивающимся в соседней ограде.

По крайней мере, продавщица с гордостью сказала, что в эту доисторическую дыру пожаловала туристка. Только какого хрена вместо относительно нормальной гостишки в местном райцентре, который неподалёку, она сняла зачуханный домик Тихона – мне непонятно.

Скорее всего, она не просто туристка, а какая-нибудь пришибленная на голову блогерша, которая вписалась в какой-нибудь их челлендж и теперь должна восстановить хату Тихону. Но, с другой стороны, я не видел, чтобы она снимала себя на камеру. Хотя, может, камера установлена в доме?

Краем глаза, убираясь с утра в своём дворе, я видел, как она выносила из дома вещи. Не припомню, чтобы у Тихона столько их было. И уж точно не помню, чтобы у него были ковры или цветные тарелки. Цветными тарелки у него бывают только от плесени. А полы, на которых он иногда зимой колол дрова прямо в доме, едва ли хоть раз в своей жизни видели хоть что-то кроме грязных кирзовых сапог Тихона.

Но, тем не менее, девчонка выносила всё это барахло, а затем, похоже, занялась побелкой.

Я решил более не смотреть в её сторону. Своих дел и без неё было полно. К тому же, её смазливое личико и фигурку я уже видел. Больше, в общем-то, пялиться и не на что, особенно тогда, когда она вся в извести от побелки.

Только Ржавый периодически наблюдал за ней через щели в заборе. Наверное, в его шерстяной голове тоже крутились какие-то вопросы. Например: «где Тихон?» или «как можно пометить девку, которая не спит под забором, как Тихон». Что-то такое, я думаю.

Сегодня я отдохну в бане. Полгода ждал этого дня. Накачав побольше воды в баки, приступил к колке дров.

Зудящее чувство, будто кто-то за мной наблюдает, чесалось в затылке и не давало полноценно расслабиться.

Не выдержав, я резко глянул через плечо и в щели забора увидел подглядывающую за мной девицу. Даже на расстоянии было видно, как её голубые глаза стали просто огромными от ужаса и понимания, что её только что поймали за подглядыванием. Ускоренно ретировавшись путём резкого съи́бэна, она исчезла в сторону Тихоновской бани.

Хмыкнув себе под нос, я продолжил колку дров и через несколько минут, чуть не долбанул себе по ноге, когда девчонка завизжала в своей ограде. Воткнув топор в чурку, я поспешил к забору, чтобы выяснить, какого хрена там происходит. Ржавый со мной.

Но, стоило подойти поближе, как мы с котом увидели отплясывающую у чурки девчонку, которая хрен пойми чему радовалась. Камеры, опять же, рядом с ней не было.

Городская сумасшедшая перебралась в деревню? Не спалила бы меня вместе с хатой Тихона.

Мы с котом молча переглянулись, не решившись как-либо комментировать происходящее. Подняли взгляд на девчонку и увидели, как теперь она, держась за топорище, пыталась выдернуть его из чурки. Дергалась она так, будто наступила на высоковольтный провод.

- Ебать, - вздохнула я, поняв, в чем тут дело.

Вернулся к свои дровам, на время отложил колун и взял топор, чтобы наколоть дрова помельче. Зная, что девчонка, наверняка, сейчас ищет решение проблемы, намеренно воткнул топор острием в чурку так, чтобы тот там застрял.

Краем глаза, снова увидел наблюдательницу за забором. Демонстративно и резко нажал на край топорища и вынул его из чурки. Надеясь, что девчонка поняла, что нужно делать, отложил топор и продолжил колоть дрова колуном. Им как-то удобнее. Наверное, потому что он имеет вес.

После бани, прогрев все кости, я поднялся в свою комнату, приготовившись отлично провести вечер с холодным пивом и рыбой.

Пока искал пульт от телика, подошёл к окну и увидел, как из своей бани едва шевеля ногами, практически вывалилась туристка. Придерживая на груди полотенце, она хватала ртом воздух и, судя по движению губ и её взгляду, материла баню.

Похоже, городская была не готова к тому, что баня – это, всё-таки, не игрушка и не изобретение городских дураков. Там и насмерть можно «попариться», если перестараться.

Ржавый сидел на столбе между нашими участками и наблюдал за девицей.

- Вот засранец! – хохотнул я.

Значит, когда она была одета и делала какие-то свои дела, он смотрел на неё только через щели забора и лениво щурясь, но на то, как она выйдет из бани, он забрался посмотреть повыше.

Пиздюк шерстяной.

Девчонка отдышалась. Вернулась в баню и вышла из неё с ковшиком полным воды. Отпила из него, наверное, половину, а оставшуюся воду вылила себе на голову, блаженно прикрыв глаза.

На секунду я даже засмотрелся, а затем ещё на пару секунд усомнился в том, а так ли хороша моя баня…

Увидев, что за ней наблюдает Ржавый, устроившийся на столбике забора, девчонка с дурацкой улыбкой пошла к нему. Что-то лепетала, а затем потянула руку к шерстяной голове, чтобы погладить. Но тут же получила лапой по руке.

Ржавый не любитель всех этих нежностей. Даже я его не глажу. Во-первых, мне кот в принципе был не нужен, а, во-вторых, достаточно того, что я его кормлю и не выгоняю. Нахрен мне надо его ещё и гладить? Из нежностей он получает только сон в моих ногах. Повезет, если не пну во сне.

Девчонка чертыхнулась, прижала оцарапанную руку к груди, пригляделась к «ранению», а затем резко, но очень уверенно показала Ржавому средний палец, состроив при этом настолько суровую мордашку, что мне стало смешно.

Достойный соперник достался шерстяному пиздюку.

Глава 10

Я наколола дров, навозила в баню воду и даже смогла растопить эту баню, следуя советам из видеороликов.

И, если я радовалась каждому своему достижению, то сосед делал ровно всё то же самое, но без какой-либо радости. Он просто как робот выполнял действия и даже ни разу не взвизгнул и не подпрыгнул, увидев, что из трубы его бани начал валить дым. Лично я, когда из трубы моей бани пошёл уверенный дым, сплясала победный танец.

А дальше был целый квест. Следуя тем же инструкциям из видео и советам Надежды Леонидовны, я подкидывала в печку дров, рискуя остаться без рук, бровей, ресниц и волос. Как можно в это пекло подкидывать дров и не умереть? Алые угли выглядят так, будто готовы прыгнуть тебе в лицо, поэтому нужно успеть как можно скорее закидать их новой охапкой дров.

Затем, когда вода в огромной кастрюле, что стояла на печке, закипела, я… Нет, не бросила в неё пельменей, а поняла, что пришло время мыться.

Напевая себе под нос лёгкую песню победителя, я прихватила с собой два больших полотенца, чтобы как после спа обернуть в них тело и волосы. Взяла с собой шампунь, бальзам, кондиционер для волос и гель для душа, в местном магазине нашла даже скраб для тела. А в доме на столе на новой скатерти на потом оставила крема. Дешевые, но, надеюсь, увлажняют они достойно. По крайней мере, запах показался мне приятным, как и текстура.

Уже на пороге, войдя в баню, я была готова выскочить из неё обратно, ощутив, как словно обожженные ноздри мгновенно слиплись, стоило мне сделать вдох. Хватая ртом микроскопические порции горячего воздуха, я прошла к высокой и широкой скамейке, поставила на неё все баночки и бутылочки, что принесла с собой и уже начала щуриться от адского пекла, в котором мои глазные яблоки уже начали выпекаться, как в духовке. Да и вся я ощущала себя как курица, угодившая в духовку.

Кто-то всерьёз моется ежедневно в таких условиях? Эти люди сумасшедшие! Ходят в туалет на улицу и даже зимой, и моются в безжалостном пекле. А ещё воду они добывают, не просто повернув кранчик над раковиной, а идут за ней чёрт знает куда, чтобы выкачать чёрт знает из чего.

Ненормальные!

И зачем я, вообще, отмывала сегодня эту баню, если в такой жаре ни один микроб и так не выживет?

Я планировала, что мои гигиенические процедуры в первой в моей жизни бане будут проходить как что-то особенное и неторопливое, будто съемки в рекламе геля для душа или шампуня. Посижу на лавке, слегка вспотею, обмахнусь полотенцем… Но, по факту, я не помнила даже как, что и где я помыла. Я настолько быстро старалась всё сделать и не открывать глаза широко, что не уверена, что не перепутала баночки, которые с собой принесла. Я даже не знаю, успевала ли я потеть, потому что было полное ощущение, что любая влага, попавшая на моё тело, с шипением мгновенно испарялась.

Когда голова закружилась, а я поняла, что ещё немного и упаду без чувств, я, кое-как завернувшись в полотенце, буквально вывалилась на улицу и с наслаждением, как изголодавшийся по чистому воздуху путник, начала хватать ртом воздух, который был настолько великолепен после банного пекла, что казался вкусным.

- Больше никогда! Ни за что! - пыхтела я, придерживая на груди полотенце, которое норовило упасть. – Ненормальные, блин! Да я лучше просто ведро воды буду греть и мыться им во дворе, чем это всё! Психи!

Когда головокружение немного отпустило, я почувствовала сильнейшую жажду. Ближайшая холодная вода в бане в баке на полу.

Почти со слезами на глазах обернувшись в сторону бани, я взяла волю в кулак и дала себе установку, войти в это пекло снова, но одной ногой. Как раз дотянусь и до ковша, и до бака.

Сделав несколько больших глотков воды, поняла, что начала возвращаться к жизни. А вылив остатки воды из ковша себе на голову, стала чувствовать себя гораздо лучше. Это приметил даже рыжий соседский кот, гордо сидящий на заборе.

Он казался таким упитанным, с такими пышными щёчками, которые захотелось потискать. Не отказывая себе в сиюминутном желании, тем более что хозяина его не было видно (наверное, жарился в бане), я подошла к котику.

- Привет, красавчик! Привет, пушистенький! Какой ты толстенький и красивенький! – напевала я ему восхищенно, а он сидел и млел от моих слов, щуря желтые глаза в лучах закатного солнца.

Я хотела его погладить и потрепать за щёчку, но едва успела приблизить к нему руку, как кот тут же ударил меня по ней лапой, оставив царапину на запястье.

Глянув на то, как выступило несколько капель крови на раскрасневшейся после бани коже, я со всей строгостью, что у меня была, заглянула коту в глаза и, в сердцах, показала ему средний палец. Но его это не проняло. Ему даже стыдно на стало. Наоборот, он даже ещё более гордо приосанился и лениво моргнул, глядя на меня со столба.

- Козёл! – буркнула я ему обиженно и пошла в дом, надеясь, что колотящееся где-то в горле сердце, не покинет меня, когда я усну на надувном матрасе. Если я, конечно, сейчас не расплавлю этот самый матрас раскаленным в бане телом.

Я думала, что сегодня снова быстро усну, но, переодевшись в чистые новые вещи, осталась лежать в темноте, глядя на Луну через незанавешенное окно.

До штор руки сегодня не добрались. Как-нибудь потом.

Лёжа в абсолютной темноте и одиночестве, я поняла, что на меня вдруг накатила тоска. Да и усталость тоже.

Я очень устала и ненавижу себя за это.

Изнеженный, оранжерейный цветок, блин!

Ничего не умею, ни к чему не приспособлена.

Да, я отмыла дом, почти весь его побелила, но стало только хуже. Да, сегодня я наколола дров, натопила баню и чудом в ней не умерла. Но всё это стоило мне таких усилий, что я каждую секунду была готова расплакаться от бессилия. И хоть я и храбрилась, делала сама перед собой вид, что всё классно, у меня всё получается, но я понимала, насколько нелепо и глупо выглядит всё, что я делаю. Даже местные дети на моём фоне выглядят куда более увереннее, когда катят домой фляги полные водой или колют дрова, складывая их в аккуратные поленницы вдоль забора.

Неужели я всерьёз верю, что смогу выжить здесь, одна? Летом – ещё может быть. Перебиваясь слезами и тихими истериками, я, наверное, смогу здесь как-то выжить. А когда придут холода? Осень, зима… Что со мной будет? Долго ли я смогу прятаться в деревнях, от людей? Долго ли смогу прожить на те деньги, что украла из сейфа отца? А когда они кончатся, куда я буду двигаться дальше? И как? Стоит мне только устроиться на работу по своим документам, как меня в ту же секунду вычислят. И я не знаю, что со мной сделает отец, когда найдёт.

Может, он был в чем-то прав, когда говорил, что для девушки главное – удачно выйти замуж? В конце концов, глядя на себя в нынешних условиях, я понимаю, что шанс выжить без отца, его денег и влияния, у меня есть только в том случае, если я выйду замуж за ещё более богатого и влиятельного человека, чем мой отец. Именно к этому он меня, кстати, всю жизнь и готовил. И сестру мою тоже.

Впрочем, удачно выдав замуж мою сестру, он не был готов, что в один из дней её муж откажется финансово помогать бизнесу отца. А причина в том, что сестра не может забеременеть.

Или не хочет…

Возможно, согласись я выйти замуж за предложенного папой старика, я бы тоже научилась хитрить и изворачиваться, в попытках получить как можно больше комфорта и выгоды от нежеланного брака. Но мне даже в мыслях представить тошно, что я скажу какому-то деду «да», а потом лягу с ним в одну постель. Уж лучше оставаться в этом сарае, рискую быть съеденной мышами и кучей насекомых, которые могут здесь обитать, чем под боком у толстого старикашки.

Своего «принца» и своё «долго и счастливо» я представляла совсем иначе.

Утерев выступившие слёзы, я разблокировала экран телефона и залезла в ленту свежих новостей. Информации о том, что я пропала или меня ищут, нигде не было. Абсолютная тишина.

Зная папу, он, скорее всего, ищет меня, пользуясь внутренними каналами и связями. Он не станет показывать публике, что из его с виду идеальной семьи кто-то будет спасаться бегством. Прямо сейчас он наверняка втихую переворачивает город, разыскивая меня. Когда скрывать уже будет невозможно, и у людей появятся вопросы, они с мамой разыграют убитых горем родителей и попросят помощи у общественности. Конечно, их пожалеют, помогут, на камеру снимут счастливое воссоединение семьи, а затем неизвестно чем бегство обернётся для меня за закрытыми от журналистов дверями особняка.

Больше всего, и это я поняла только сейчас, мне жалко моего охранника. Папа наверняка его не пожалел. Парень он, в общем-то, неплохой. Это я от избалованности считала его раздражающим элементом, но на самом деле он много раз прикрывал меня перед отцом. И я уж не помню сколько сотен раз он возил меня на тайные встречи с сестрой.

Сестра…

Можно попробовать связаться хотя бы с ней, но я уверена, что папа установил за ней наблюдение. А я не хочу подставлять единственного человека, которому могу доверять.

Ладно, скинем моё нытьё и слабость на усталость. Завтра утром я, наверное, уже не буду таким нытиком, как сейчас.

И действительно – утром мне было не до нытья. Элементарно потому, что я замерзла. Под одеялом было холодно. Ноги, руки и нос замерзли настолько, что я была готова бросить их в какой-нибудь костёр, чтобы согреть.

За окном вчера беспощадно светило солнце и на небе не было ни одного облачка. Но сегодня над маленьким сараем нависли грозные свинцовые тучи. Свистящие порывы ветра сдували с черемухи белые пахучие лепестки и били в окна редкими, но крупными каплями дождя.

- За что мне всё это? – буркнула я себе под нос и, набравшись смелости, сбросила с себя одеяло и тут же взывала от боли в мышцах рук и даже косых мышц пресса. – Мамочки! – всхлипнула, понимая, что руками могу двигать, только стискивая зубы от боли. Никогда ещё в моей жизни у меня не болели руки от запястья до локтя настолько сильно.

Надела красный спортивный костюм, купленный вчера в магазине. Запрятала ноги в носки, купленные в том же магазине и, надев синие калоши, рекомендованные мне Надеждой Леонидовной, вышла на улицу, где едва не оказалась сдута ветром вместе с дверью.

Глянув по сторонам, увидела, как из труб домов по деревне поднимался дым. Стало очевидно, что сегодня мне предстояло испробовать печь не только в бане, но теперь ещё и домашнюю.

Щурясь от порывов ветра, поднимающих пыль и закидывающих волосы в глаза, я набрала в руки остатки тех дров, что вчера не использовала в бане. Занесла их в дом, положила у печки и вновь вернулась на улицу, чтобы набрать лучину. Не знаю, почему Надежда Леонидовна называет щепки лучиной, но я в своей голове стараюсь теперь их тоже так называть.

Вернувшись в дом, я сложила дрова и лучину так же, как вчера сделала в бане. Проложила всё старой газетой и подожгла. Закрыла дверцу и, сидя перед печкой, начала ждать, когда станет тепло. Но вместо тепла в дом пришёл дым. Очень много дыма. И с каждой секундой его становилось только больше.

- Чёрт! – шипела я на печку, огонь в которой был очень скудным, но это не мешало дыму накапливаться в домике. – Что тебе надо-то?!

Закашлявшись, я открыла настежь дверь и окно, вернулась к печке, упала перед ней на колени и попыталась вновь решить проблему с задымлением.

Помимо большой дверцы, в которую я сложила дрова, была маленькая дверцы внизу. Я не поняла, для чего она, но видела, что стоит открыть её шаре, как пламя в печи будто начинало разгораться чуть сильнее.

Задыхаясь и кашляя, уже плохо видя из-за выступивших на глазах слёз, я пыталась с помощью этой маленькой дверцы отрегулировать пламя в печи так, чтобы дым начал покидать дом. Но всё равно всё становилось только хуже и хуже.

Уже расплакавшись не только из-за дыма, но из-за собственной глупости, я едва могла дышать из-за дыма, вкус которого лёг горечью на языке.

Из-за дыма я уже не различала, что находилось вокруг меня и потеряла ориентир, не понимая, где находится дверь, чтобы я могла выйти.

Внезапно в облаке гари, окутавшей меня, послышались тяжелые шаги. Я даже кашлять от страха перестала. А затем кто-то большой, теплый и сильный, обхватив мою талию одной мускулистой рукой, вынес меня из дома.

- Ебанутая, блядь! – услышала я недовольное рычание своего спасителя, когда он поставил меня на ноги у забора рядом с рыжим котом.

Глава 11. Матвей

Погодка сегодня похерила все мои планы на установку мангала. Придётся шашлыки отложить на менее ветренный день.

Пока я готовил завтрак, Ржавый предпочёл устроиться на подоконнике кухонного окна и поэтично смотреть вдаль.

- Иди жри, - сказал я коту, положив в его миску мелкие куски мяса. Но шерстяной полностью меня проигнорировал и начал мяукать на птичьем языке, глядя в окно. – Ржавый, ты так воробьёв не наебёшь. Даже самый тупой из них видит, что ты толстый рыжий кот.

Но он продолжил своё чириканье, которое становилось всё громче. А затем, словно поняв, что один он не вывозит, шерстяной начал оглядываться на меня и требовательно смотреть, то мне в глаза, то в окно.

- Чё ты на меня смотришь? Наебать кого-то получилось? – хмыкнул я и, прихватив кружку с горячим кофе, подошёл к окну. Воробьёв я не увидел, зато увидел, как из Тихоновского дома, из всех щелей кроме трубы, валил дым, который ветер нёс прямо в мою сторону. Бегло оглядев соседскую ограду, не увидел девчонку. – Ёбаный насрал! – рыкнул я и, поставив кружку на подоконник рядом с котом, рванул в прихожую. Наспех надел резиновые сапоги и накинул на голый торс первую попавшуюся под руку старую джинсовку. – Ты-то, блядь, куда?! – рявкнул я коту, который вместе со мной выбежал из дома и тоже побежал в сторону небольшого заборчика, разделяющего нас с соседом.

Не помня, как сиганул через забор, оказался в соседской ограде. В несколько шагов преодолел расстояние до покосившегося трухлявого крыльца и через задымленные сени влетел в дом, в котором нихрена не было видно. Только было слышно, как где-то на полу кашляла девчонка, похоже, выплевывая последнее лёгкое.

Стараясь не дышать, нашёл красное кашляющее пятно у печки. Сгрёб одной рукой туловище, весом не тяжелее барана, и вынес из дома.

Какого лешего она делала в доме? Костёр разводила?

- Ебанутая, блядь! – рявкнул я на неё в сердцах и поставил подальше от дома у забора, чтобы за ней хоть кот присмотрел, раз эта блогерша сама нихрена не соображает.

Спрятав нос в сгибе локтя, я вернулся в дом и попытался сообразить, какого хрена здесь происходит.

В печи вяло трещали дрова. Подойдя к ней ближе, понял, что эта курица растопила печь, не открыв заслонку.

Какой идиот доверил ей хату, не объяснив этих тонкостей?

Даже не так!

Какая идиотка едет жить в деревню и топит печь, на зная, этих тонкостей?

Открыл заслонку, приоткрыл поддувало, и тяга пошла. Печь перестала дымить в дом, а дрова в ней затрещали громче.

Начав кашлять от дыма, которого всё-таки успел хапнуть, вышел из дома и обнаружил девицу на том же месте рядом с котом, куда я её поставил.

- Ты с головой дружишь, не? – воззрился я на неё сурово сверху вниз.

Стоит, глазами лупает, беззвучно плачет. Вся чумазая, сопли с сажей смешала, усы нарисовала.

- Я лишь хотела натопить в доме печь. Сегодня холодно, - произнесла она достаточно уверенным не писклявым, как у своих ровесниц, голосом. В глаза смотреть не спешила. Уставилась мне куда-то в грудак и строила дипломатическую морду.

- Заслонку открывать не учили, чтобы дым шёл в трубу, а не в хату?

- Заслонку? – нахмурила она тонкие бровки и соизволила поднять взгляд и заглянуть мне в глаза. – Какую заслонку? В бане у печки никаких заслонок не было, она так растопилась.

- Сравнила жопу с пальцем, - усмехнулся я едко и увидел абсолютное непонимание в серо-голубых глазах. - Буржуйку с нормальной кирпичной печью, - вздохнул я устало и почувствовал во рту горечь дыма.

Девчонка снова закашлялась, а затем, когда успокоилась, я увидел, как её потряхивает от холода. На улице ветер, на термометре, когда я проснулся было всего коло пяти градусов тепла. Естественно, что эта городская блогерша замёрзла, но вместе с тем даже похвально, что не стала ныть и не убежала в город поближе к теплу, а сама попыталась натопить печь.

- Пойдём ко мне, погреешься, - кивнул я в сторону своего дома.

- Спасибо, но я останусь у себя, - у неё уже зуб на зуб не попадал. – Сейчас в доме проветриться, и я пойду греться. Или в бане посижу.

- Кокетничать будешь с прыщавыми мальчиками. А хата твоя только к обеду нормально проветрится. И то вонять ещё неделю будет. Пошли ко мне, пока добрый. Погреешься и пожрёшь, - выронил я раздраженно и снял с себя джинсовку. Накинул её на дрожащие плечи, обнимающей себя девицы.

Увидев, что я остался по пояс голый, девчонка встрепенулась и, стянув с себя джинсовку, протянула мне её обратно.

- Холодно ведь! Зачем вы разделись? Заберите!

- Потому и разделся, что тебе холодно, - вернул я ей джинсовку. – Шевели калошами. Дубак на улице.

Я перемахнул в свой двор через забор и обернулся, увидев, что девчонка пыталась сделать то же самое, пока кот смотрел на неё, как этой зимой смотрел на чихуахуёвину, пытающуюся ему угрожать писклявым истеричным лаем.

- В обход иди. Через калитку, - бросил я ей, остановив неудачные потуги вскарабкаться на забор. – Я тебе открою.

Молча кивнув, девчонка плотнее укуталась в джинсовку и пошла через калитку Тихона к моей. Открыв ей, я пропустил чумазую, воняющую дымом девицу в свою ограду, а затем и в дом.

Глава 12

- Проходи, - грубо бросил мужчина, первой пропуская меня в свой дом. Первой после кота, разумеется. – Разувайся. У меня здесь не сарай.

- Простите, - я виновато поморщилась и поспешила снять калоши у порога, стоя на каком-то цветастом круглом коврике. Такие я видела только на папиных фотографиях из детства. Кажется, он говорил, что такие коврики его бабушка вязала из ненужных тряпок.

Грубиян, меня спасший, тоже умеет их вязать?

Пока я размышляла о коврике, мужчина прошёл дальше в дом, нисколько не стесняясь своей голой спины и низко сидящих на нём спортивных штанов.

В комнате, в которой он скрылся, загремела посуда, а через несколько секунд послышался его голос:

- Тебе особое приглашение нужно? Иди в кухню, здесь теплее.

Я послушно, мелкими шагами, на всякий случай, по дуге обходя кота, сидевшего у кухонного порога, пошла на голос мужчины.

- Садись, - кивнул он на свободный стул у стола. Окинул меня хмурым, совершенно недружелюбным взглядом и закинул чайный пакетик в кружку. Залил горячей водой из чайника и поставил передо мной. Через пару мгновений рядом с кружкой материализовались два целлофановых пакетика с конфетами и печеньем. – Ешь.

- Спасибо, - произнесла я, мельком глянув на мужчину, который отошёл к окну и, скрестив татуированные руки на мощной широкой груди, оперся задом о подоконник. На этот же подоконник через пару секунд запрыгнул и кот.

Так они оба и смотрели на меня, как на мышь, которая обнаглела настолько, что, не стесняясь хозяев, села за их стол перекусить.

Я потянулась к кружке с горячим чаем и поняла, что мои руки трясутся настолько сильно, что я рискую только расплескать весь этот чай, и не выпить ни капли. Поэтому я оставила попытки хлебнуть хоть немного жидкости и, не касаясь более к кружке, запрятала руки под стол.

Шумно вздохнув, мужчина подошёл к столу, взял кружку и немного отлил из неё чая в раковину. Затем вынул чайный пакетик, отжав её с помощью какой-то хитрой манипуляции с чайной ложкой. А затем снова вернул мне кружку, поставив её передо мной.

- Теперь не прольёшь. Пей, - зыркнул он на меня строго и вернулся к подоконнику с котом.

- Спасибо, - улыбнулась я уголками губ.

Странно, но то, что он только что сделал, мне показалось очень милым.

Да, он грубый и неотёсанный мужлан, почти как мой папа. Но, почему-то, манеры этого мужчины не отталкивают и не заставляют насторожиться или закрыться. По крайней мере, он проявляет свою заботу так, что я не чувствую себя должной.

- И надолго ты здесь? – поинтересовался мужчина, когда мне удалось отхлебнуть немного чая.

- Я допью чай, если вы не против, и пойду к себе.

- Я не про сейчас, в целом. В деревне надолго?

- Точно не знаю. Может, на пару дней. Или на пару недель.

Я ведь действительно не знаю, в какой момент мне нужно будет снова бежать. Вполне может быть, что папа уже напал на мой след и сейчас со своими цепными псами спешит сюда.

- Ясно, - кивнул мужчина задумчиво. – И что ты здесь забыла? Да ещё в Тихоновском домике…

- Я… А я решила попробовать пожить аскетично. Знаете, отдохнуть от благ цивилизации, проверить себя, взять аскезу…

- Так я и думал.

- Как?

- Что в городах сумасшедшим становится тесно, - мужчина отошёл от подоконника к холодильнику. Открыл его и задумчиво уставился внутрь. – Жрать хочешь? Яичницу или кашу какую?

- Нет, спасибо. Мне хватит конфет и печенья. И, кстати, о сумасшедших, вы ведь тоже из города приехали в деревню.

- Приехал, чтобы отдохнуть от городских сумасшедших. А у меня, оказывается, одна через забор завелась.

- Завелась? Как паразиты в организме?

- Соображаешь, - с похвалой кивнул мужчина и захлопнул холодильник.

Его подкол я пропустила мимо ушей.

- Могу я руки помыть?

- Мне-то откуда знать, можешь ты или нет? Иди в ванную, из кухни направо, если получится помыть, то сможешь.

В ванную? У него есть настоящая ванная?!

Кажется, всего за два с половиной дня я отвыкла от того, что ванная комната – вполне обыденное явление.

Встав на ноги, я почувствовала тяжесть мужской куртки на плечах и отдала её мужчине.

- Спасибо.

- Угу, - буркнул он себе под нос, забирая пропахшую дымом куртку.

Я вышла из кухни и свернула направо. Открыв дверь, попала в самую настоящую ванную комнату с раковиной, душевой кабиной и даже унитазом.

Невероятно!

Смеситель – вау!

Включив воду, которая тут же полилась, я почувствовала себя дикаркой, увидевшей нечто необъяснимое. Вода сама льётся! Даже не нужно бить ладонями по пипке!

Увидев себя в отражении зеркала, я отпрянула, испугавшись.

Пугало и то красивее выглядит, чем я.

Лохматая, чумазая, под носом черные усы, заплаканные красные глаза. Хотя, они скорее не заплаканы, а «съедены» дымом.

Кое-как, с помощью обычного куска твердого мыла и горячей воды, я привела лицо и руки в порядок. Причесала пальцами волосы и, вроде, стала похожа на саму себя. Ну, или хотя бы просто перестала быть похожа на трубочиста.

Унитаз! Обалдеть!

Всего через забор от меня находится такое благо человечества, а не просто вонючая деревянная дырка над ямой!

Интересно, с моей стороны будет сильно невежливо напрашиваться к этому грубияну в туалет?

Разумеется, я сделала свои маленькие грязные делишки. С большим удовольствием и благодарностью. И смыть не забыла. Потому что до сих пор искала слив даже в туалете Тихона. Привычка.

Ещё раз с наслаждением сполоснула руки теплой водой, которую не нужно предварительно греть в чайнике, посмотрела на себя в отражении зеркала и вышла из ванной комнаты.

- Ой! – резко застопорилась я, врезавшись в твердую мужскую грудь носом. – А вы чего здесь? Подслушивали?

- Подошёл проверить не поплохело ли тебе. Уж больно бледная уходила, - мужчина окинул меня тяжелым взглядом и явно ждал объяснений.

- Я радовалась унитазу, - выдала я, сокрушенно выдохнув.

В лице мужчины что-то треснуло. Кажется, он растерялся и даже усиленно моргнул, чтобы понять, не снится ли ему поехавшая кукушечкой соседка.

- Что ты делала? – всё же переспросил он, не сдержав лёгкой улыбка.

- Понимаете, - вздохнула я. От чувства неловкости перемялась с ноги на ногу и опустила взгляд. – У Тихона, чтобы сходить в туалет, нужно максимально открыться перед распахнутой земной твердью, находясь при этом в деревянном ящике с щелями. В таких условиях невозможно полноценно расслабиться. Я уж молчу о мухах, от которых приходится отбиваться. Ну, и вонь, соответственно, тоже…

- Чё, бля?! – с недоумением переспросил мужчина. – Чё ты там перед распахнутой земной твердью делала?

Было видно, что кое-кто размером со шкаф очень хочет смеяться, но отчего-то сдерживает себя.

- Я не смогу повторить то, что сказала выше.

- Ну, иди, - кивнул он в сторону ванной комнаты. – Ещё порадуйся унитазу. Мне, в принципе, не жалко. Только целуй его без языка. Всё-таки я на нём голой жопой сидел.

- Исходя из вашей логики, мы с вами буквально минуту назад соприкоснулись голыми жопами.

- Ну, раз мы стали настолько тесно знакомы, то, наверное, и именами уже можно обменяться. Матвей, - протянул он мне ручищу для пожатия, едва заметно при этом улыбнувшись.

- Ас… София я. Соня. Просто Соня, - улыбнулась натянуто и аккуратно, кончиками пальцев, пожала протянутую мне широкую мужскую ладонь. Кожа у него, конечно, грубая. По ней бы кремушком пройтись. Жирненьким, питательным.

- Ну, иди, просто Соня, перекури пока у меня в зале. А я схожу гляну, что там у тебя в доме происходит.

- Я тоже пойду. Там, наверное, уже всё выветрилось.

- Учитывая, какое задымление ты там устроила, выветриваться там ещё часов пять будет. И-то шмотки ещё долго вонять потом будут. Так что оставайся пока у меня. Никто тебя не гонит, - сурово бросил мужчина и ушёл в сторону прихожей, где вновь накинул на голый торс пропахшую дымом джинсовку. – А я у тебя печь натоплю нормально. Как раз к вечеру и хата проветрится, и печка останется теплой. Не замерзнешь.

- Спасибо вам большое, Матвей. Вы настоящий джентльмен.

- И биться сердце перестало, - выдохнул он, глянув на восхищенную меня, как на прокаженную и частично умалишенную. Неужели им никто до меня не восхищался? Он ведь выглядит и ведет себя как настоящий мужчина. В городе подобных ему я видела только в папиной охране, но тем было запрещено со мной разговаривать и даже смотреть в мою сторону. – Короче, я пошёл. Гляну, что там у тебя. А ты тут пока… не знаю… унитазу ещё порадуйся, ёршику поклонись. Развлекайся, короче.

- Не смешно, - буркнула я нарочито обиженно, понимая, что нас обоих до сих пор веселило то, что я недавно ляпнула.

Матвей вышел из дома в ветренную прохладу, а я вернулась в кухню.

Подошла к окну, где сидел кот, и увидела, как мужчина ловко перемахнул через забор между нашими участками и зашёл в дом, из трубы которого серыми облаками выходил дым, тут же сдуваемый ветром. Пробыв там несколько минут, Матвей вышел на улицу и принялся колоть дрова. Долго колол. Не думала, что для того, чтобы сделать в доме тепло, нужно так много дров. Наверное, всё дело в том, что печь в доме гораздо больше той, что в бане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.